

Юлия Фирсанова

Загадка Либастьяна,
или Поиски богов

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Джокеры – Карты Творца

Юлия Фирсанова

**Загадка Либастьяна,
или Поиски богов**

«АЛЬФА-КНИГА»

2013

Фирсанова Ю. А.

Загадка Либастьяна, или Поиски богов / Ю. А. Фирсанова —
«АЛЬФА-КНИГА», 2013 — (Джокеры – Карты Творца)

Властно вмешивается в судьбу богов Лоуленда древнее предсказание. Бред сумасшедшего художника Либастьяна оказывается пророчеством. Желая раскрыть карты в игре Творца, Элия и ее родичи отправляются на поиски доказательств существования Колоды Джокеров. Путешествия, встречи, находки, а между делом чье-то спасение или смерть, разбитые сердца и подаренные надежды, любовь и ненависть... Веселье и энтузиазм богов бьет через край, зачастую по головам окружающих, и будоражит даже Бездну. Судьба снова сводит богиню любви и лорда Злата. Лорд очень зол и лелеет обиду. Удастся ли Элии помириться с могущественным поклонником? Сила любви не знает запретов и рамок, но и Повелитель Межуровня почти всемогущ. Великая игра начинается, и лишь от бесшабашных богов зависит ее исход...

© Фирсанова Ю. А., 2013

© АЛЬФА-КНИГА, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	41
Глава 5	53
Глава 6	63
Глава 7	69
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Юлия Фирсанова

Загадка Либастьяна, или Поиски богов

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Кто ищет, тот всегда найдет

Что найти суждено – на дороге лежит.
Узбекская пословица

– Что желаешь?
– Мести!..
– Закончилась. Что еще?
Сериал «Мертвые, как я»

*Мир для меня – колода карт,
Жизнь – банк; рок мечет, я играю,
И правила игры я к людям применяю.*

М. Лермонтов. Маскарад

– Наверное, я патриот, – довольно вздохнул Джей, перекладывая еще один искусно позаимствованный пухлый кошель в битком набитый потайной карман плаща цвета охры. – Обожаю прогулки по Лоуленду в любую погоду.

В глубине капюшона изумрудно-зеленого плаща Рика сверкнула ответная ухмылка. Принц смахнул рукой в тонкой кожаной перчатке несколько капель дождя со своего острого носа, обладающего гениальной способностью чутко улавливать аромат свежей сплетни за несколько сотен миров.

Осень в Лоуленде выдалась нынче на редкость дождливая, и кое-кто из любителей ясных деньков уже начал ворчать на магов-синоптиков и грозить жалобами в высшие инстанции. Но творцы непогоды лишь важно задирали носы и отмахивались от досужих жалобщиков, мотивируя необходимость частых дождей государственным заказом и сухим летом.

Впрочем, принцам нынешняя гроза была только на руку. Она помогла их высочествам улизнуть из замка тайком от юной принцессы Мирабэль, хвостиком таскавшейся за братьями – единственными родственниками, оставшимися в Лоуленде в этот сезон, не считая короля Лимбера, который был вынужден пребывать в Мире Узла почти неотлучно, невзирая на личные пристрастия. Такова тяжкая доля королей!

Но с точки зрения проказливой Мирабэль дядя Лимбер совершенно не подходил на роль компаньона. Во-первых, он практически все время был занят, во-вторых, вместо того, чтобы развлекаться самому, он по долгу своей службы просто обязан был мешать самым интересным играм других (вроде катания на люстре в тронном зале), а в-третьих, если уж Лимбер был свободен, то предпочитал коротать время не в играх с Бэль, а в обществе взрослых тетенок.

Со своими сверстницами, девочками приличного воспитания, происхождения и положения, чья компания навязывалась юной принцессе упрямым Нрэном, эльфиечка, отличавшаяся не меньшим упрямством, чем неумолимый старший брат, проводить свой досуг категорически не желала. Какое удовольствие можно получить от болтовни о вышивках, обновках, побрякушках и перспективах замужества? Мирабэль, обожавшая игры в пиратов, разбойников и эльфийских воительниц, совершенно не понимала подобной чуши.

Так и случилось, что, не считая дворовой ребятни, вроде конюхов и служек, с которыми приятельствовать не полагалось, но очень хотелось, единственными друзьями юной принцессы оказались старшие родственники, а поскольку дома они бывали чрезвычайно редко, то соску-

чившаяся Бэль старалась проводить как можно больше времени в их обществе. Не то чтобы принцы не любили сестренку, но их взрослые развлечения очень часто не предусматривали наличия несовершеннолетней любопытной свидетельницы, привыкшей с ревом доказывать свое право на пребывание в кругу родных.

Единственным местом, куда со временем Бэль перестала проситься, была охота, и то только потому, что там убивали пушистых зверьков и всегда присутствовал Энтиор, презиравший малявку-эльфийку и не упускавший случая задеть ее тайком от других родственников.

Разразившаяся гроза с хлестким ливнем заставила Бэль пересмотреть планы на прогулку в Садах Всех Миров и загнала ее в библиотеку на поиски еще не читанных сказок или стихов. А братья, вероломно воспользовавшись тем, что сестрица увлеченно роется среди книг в обществе Хранителя Королевской библиотеки Оскара Хоу¹, потихоньку смылись из замка, пока Бэль не вздумала пуститься на их поиски. Искать юная принцесса благодаря тренировкам учителя магии лорда Эдмона и зачаткам эльфийских талантов наострилась почти так же хорошо, как и прятаться.

Впрочем, решив, что непогодой принцев не запугать, гроза поумерила свой пыл, чтобы сохранить запасы воды на всю ночь; ливень перешел в мелкий дождик, который изредка вспоминал о своем мощном начале и одаривал путников несколькими сотнями особенно крупных капель. В свете вспыхнувших с наступлением сумерек магических фонарей на брусчатке мостовой блестели лужи, отличавшиеся изрядной шириной, но не глубиной. Большая часть воды отправлялась в отлично налаженную систему стоков.

Обычной вечерней толпы на улицах не наблюдалось. Принцам встречались только редкие экипажи, всадники да прохожие в плащах, под зонтами или магическими пологам. Похоже, многие лоулендцы решили посидеть этим вечером дома, понадеявшись на то, что следующий день выдастся менее дождливым. Но истинное мастерство любит вызов и трудности. Работать в плотной толпе сможет и самый захудалый вор. А вот обчистить одинокого прохожего так, чтобы тот ничего не почувствовал, способен только настоящий профессионал, можно сказать, истинный гений воровства. Бог воров с энтузиазмом принялся за дело, решив размять руки и попутно подзаработать на вечерние развлечения для себя и брата.

Заполнив добычей еще пяток потайных карманов плаща, Джей приостановил свою кипучую творческую деятельность, вознамерившись переключиться на что-нибудь не менее приятное и интересное. Как всегда моментально уловив настроение друга, Рик притормозил на перекрестке Радужной улицы и улицы Ирисов.

– Куда дальше? – поинтересовался Рикардо, азартно сверкнув хитрыми зелеными глазами. Несколько прядей его ослепительно-рыжих волос выбилось из-под капюшона и пламенело в свете фонарей.

– Сейчас узнаем, – беспечно заявил брат и извлек на свет, вернее, вечерний сумрак, маленькую заманчиво посверкивающую монетку. – Если выпадет корона – направо, а если папин профиль – налево!

– Спросим совета у Сил Случая, – улыбнулся принц, комментируя действия брата и заранее одобряя любой вариант. На Радужной располагался милый ресторанчик «Соседка», а на улице Ирисов гостеприимно распахнула двери «Лапочка», чью кухню Рик ценил не столь высоко, как кухню «Соседки», зато ее обожал Джей.

Ловко поймав на ладонь подкинутую монету и прихлопнув другой рукой, Джей огласил результат:

– Корона – нам на Радужную!

¹ **Оскар Хоу** – барон, некогда бог сатиры, убитый Энтиором и возродившийся в теле программиста Грэга Кискорхоу в урбомире Сейт-Амри. Воспоминания о прошлой жизни к человеку вернулись благодаря действиям лоулендских богов или по их вине. – *Здесь и далее примеч. авт.*

Друзья свернули на правую улицу, чьи фонари, оправдывая название, переливались яркими радужными красками, радующими глаз в сумрачный вечерок.

Рик скользил взглядом по знакомым вывескам, с привычной точностью бога информации и коммерции цепко отмечая малейшие изменения и нововведения. Никогда не знаешь, какая информация может понадобиться тебе в следующий момент, поэтому лучше знать все, нежели чего-то не знать, – давно уже решил для себя рыжий маг. Поэтому принц весьма удивился возникшей слева от него вывеске, ранее отсутствовавшей на Радужной улице, представлявшей собой пестрое скопление разномастных магазинчиков и лавок, в которых продавалось все, что могло быть продано, и даже если хорошенько поискать, то, чего продавать ни в коем случае нельзя.

– Хм, глянь, что-то новенькое? – удивленно бросил Рик, разглядывая аккуратную вывеску, исполненную высоким шрифтом в яркой россыпи магических светлячков, усеивающих буквы.

Джей охотно обернулся на тычок брата и, удивленно приподняв брови, процедил с мстительным удовлетворением:

– Нет, не новенькое... Вот, оказывается, где теперь она обосновалась, старая ведьма. Пришел черед свидеться!

– Кто, братец? – заинтересовался рыжий маг, пытаясь разглядеть что-нибудь через маленькие, затененные пыльными бархатными шторками окошки. Если внутри и горел свет, то наружу не просачивалось ни лучика.

– Та самая старая ведьма, которая подсунула Бэль шкатулку Себара с дорожкой в Межуровнье, я тебе рассказывал, – коротко пояснил принц, решительно направляясь к двери с латунной ручкой в виде дракончика. Рука бога нырнула под плащ и любовно огладила рукоять кинжала.

Принцы вошли, откинули капюшоны плащей, стряхнули влагу на каменный пол, застеленный невзрачными потертыми ковриками. Вода, не оставив следа, моментально впиталась в половички с мелким бытовым заклятием. По полу, пыльным шкафам, стенам и столикам заматались тени, потревоженные вечерним визитом богов. В рассеянном свете магических шаров, подвешенных к потолку на тонких медных цепочках, Рик увидел длинный прилавок лавчонки и шкафы с многочисленными полками, битком набитыми мелкими сувенирами. Чего тут только не было: статуэтки из дерева, металла, камня, стекла, письменные приборы, картины, гобелены, украшения, подсвечники, свечи, чайные и кофейные чашки, бокалы и рюмочки, вазы, шкатулки, веера, маленькие книжицы в изящных переплетах, игрушки, оружие, часы, расчески и куча всякой прочей дребедени, назначение которой не поддавалось точному определению.

То ли услышав, то ли почувствовав присутствие посетителей из-за ветхого гобелена с изображением прекрасной девы, расчесывающей кудри на скамье у фонтана, бесшумно вышла пожилая женщина в темно-синем платье с белым кружевным воротничком.

Рыжий удивленно выгнул бровь. Пухленькая румяная хозяйка с веселыми, яркими, как полевые васильки, глазами и облачком белоснежных волос, словно нимб окружавших голову, вовсе не казалась записной злодейкой ни на первый взгляд бога, ни на второй, более глубокий, проникающий под внешние покровы любых иллюзий. Да, она отнюдь не была безобидной лавочницей, какой представлялась неопытному взору, скорее уж, судя по уровню ее силы, принц счел бы матушку Рансэни колдуньей, держащей лавку ради забавы или общения с посетителями. И тем не менее со зла ли или просто из интереса, но женщина едва не стала причиной гибели их сестры. Отбросив все сомнения, Рик зловеще усмехнулся. Час расплаты настал.

– О, какая встреча, лорд! – сложив пухлые ладошки, искренне удивилась хозяйка лавки визиту Джея. – Посетители редко заглядывают к нам дважды.

Матушка Рансэни явно узнала принца, но почему-то не запаниковала.

– Но мне это удалось, – процедил Джей, доставая кинжал и впиваясь в лицо старушки злым и еще более острым и холодным, чем голубая сталь, взглядом.

Невольно сделав шаг назад, матушка изумленно распахнула свои васильковые глаза и с искренним удивлением спросила:

– Я чем-то прогневила вас, лорд?

– Нет, я в восторге от ведьм, пытающихся убить мою сестру, – хмыкнул Джей, медленно наступая на лавочницу. – Теперь ты за все заплатишь, но сначала расскажешь о том, кто надумил тебя на это дело, старая мерзавка! А если не захочешь говорить, отыщу твоего толстого внука, и дело пойдет куда веселее! Говори, старуха!

Рик, не мешая брату развлекаться, машинально бросил в хозяйку заклинание столбняка и заклятие правды, чтобы старая колдунья не выдала неприятного сюрприза. Лавочница то ли не смогла, то ли не стала пытаться уклониться от чар, и неподвижно застыла у прилавка. Но языка маг у нее не отнял, и потому матушка Рансэни спросила с тем же неподдельным изумлением, приправленным самой толикой сдержанной опаски:

– Убить вашу сестру? Матушка Рансэни никогда не причиняла вреда детям! И уж точно не стала бы обижать такую очаровательную, светлую, словно небесная звездочка, малышку, как ваша сестрица Бэль. Клянусь Творцом, лорд! Недостойно использовать силу для таких непотребных злодейств, марающих душу!

– Эй, Джей, а она не врет, – поспешил небрежно вставить Рик, пока разгневанный брат не потерял над собой контроль. Быстро выходявший из себя и норовящий вспыхнуть от случайного слова, как костер, который могла залить только кровь обидчика, принц знал эту особенность и за Джейем.

– Я никогда не лгу, лорд! Обман крадет силу честной ведьмы! – с достоинством ответила лавочница. – Так что не было нужды в ваших заклинаниях!

– Может, она и не знала о ловушке в шкатулке Себара? Даже ты не распознал ее поначалу, – предположил Рикардо.

– Знала или не знала, какая разница, – беспечно пожал плечами Джей, перебросив кинжал из руки в руку. – Она продала ее нам! Бэль могла пострадать от купленной в лавке вещи, значит, хозяйка виновна и должна заплатить кровью.

– Как скажешь, – отступил маг, признавая за братом право на месть и раздумывая над тем, какое заклинание стоит применить, чтобы замести следы, когда Джей покончит с ведьмой. Без дополнительных чар дождь не даст разгореться хорошему костру, значит, придется изобрести что-нибудь поинтереснее.

– Ловушка в шкатулке? Какая ловушка? – теперь уже не на шутку встревожилась лавочница. Слова принца задели честь ведьмы-торговки, которую заподозрили в продаже вредоносного товара, смертельного для покупателя.

– Дорожка в Межуровнье для дурочки, которая захочет поиграть с птичками на крышке, – почти ласково пояснил Джей, медленно проведя самым кончиком кинжала по наливной щеке колдуньи.

– Вот, значит, как Себар хотел поступить с той женщиной, – прошептала поглощенная ужасной мыслью Рансэни, широко раскрыв глаза и не обращая внимания на заклятие, сковавшее ее члены, не замечая даже того, что кровь сочится из пореза на щеке. – Бедная девочка! Надеюсь, ваша сестрица не пострадала?

– Она – нет, но я не скажу того же о тебе, – ответил Джей, тряхнув копной соломенных волос.

– Подождите, ваши высочества! – отбросив внешние правила приличия, взмолилась матушка Рансэни, давая понять, что узнала принцев. – Да, я ведьма, но не желала зла никому из членов королевской семьи Хранителя Мира Узла! Никому и никогда не желала столь лютой

смерти, как гибель в Межуровнье! Моя вина лишь в том, что именно здесь вы купили опасную вещь, но эту вину я могу и желаю искупить! Послушайте, лавка моя заколдована таким образом, чтобы ее находили лишь те, кто нуждается...

– Я нуждаюсь, – расплылся в недоброй улыбке Джей и снова приблизил кинжал к лицу старушки, явно намереваясь для начала лишиться ее одного из васильковых глаз.

– ...нуждается в какой-нибудь вещи из собранных здесь, – мужественно закончила старушка. – Осмотритесь, вы найдете то, за чем пришли! Возьмите и уходите, я не буду требовать платы. Мне очень жаль, что маленькая принцесса едва не погибла из-за шкатулки Себара, пусть предмет, нужный вам, станет чем-то вроде искупления. Отыщите его!

– Что же из этого хлама может быть более ценным, чем твоя жалкая жизнь, ведьма? – весело изумился Рик, показав рукой в сторону пыльных шкафов. – Неужто ты полагаешь, что мы, наивные, примем твои слова за чистую монету? Или хочешь выторговать себе несколько лишних минут жизни?

– Что вы теряете, дети Лимбера? Проверьте мои слова! – взмолилась матушка Рансэни, начиная беспокоиться не столько за себя, сколько за тех, кто был ей дорог и мог стать жертвой мстительных богов, порою, увы, чуждых милосердия. – Вспомните, какие знаки вели вас сегодня, что вы ищете, что должны отыскать!!!

– А мы что-то ищем? – удивленно хмыкнул Рикардо, выбрав наконец подходящие чары для заматания следов – замечательное заклятие распыления, которое поглощало жертвы и окружавшую их обстановку с тщательностью кислоты и скоростью гепарда.

– Ищем, – неожиданно согласился бог воров, вспомнив что-то, пока неведомое брату. – Что ж, если сюда нас привела рука Сил Случая, ведьма, и если мы найдем здесь то, что я хочу, ты спасешь свою жалкую старую шкуру. Рик, воспользуйся своим чутьем!

– А что мы все-таки разыскиваем? – еще разок полюбопытствовал бог сплетен, призывая из глубин своей сути чутье, основанное на божественном таланте инстинктивно чувствовать местонахождение нужной информации, людей или предметов.

– Просто поищи то, о чем я и Элия говорили этим летом, – заскритичал Джей.

– Не знал, что у вас с сестрой завелись секреты, – слегка оскорбился и тут же стал ревновать Рик. Его длинный острый нос почти ощутимо вытянулся, почуяв важную сплетню, прошедшую мимо ушей бога по какому-то вопиющему возмутительному недоразумению.

– Если найдешь, я тебе расскажу, – загадочно пообещал брат, спрятав кинжал и начал шарить по полкам, шкатулкам, ларцам, ящичкам и пролистывать книги.

Таинственность Джея только подстегнула любопытство Рика и превратила его в легкую одержимость. Недоступная информация всегда так действовала на бога сплетен. Он чувствовал просто физический зуд, разгорающийся изнутри и требующий немедленного удовлетворения желаний.

Пока Джей шарил по полкам, Рик, прислушавшись к подсказке своего чутья, обвел глазами маленькую лавчонку, битком набитую всяким хламом. Брат задал непростую задачку: не зная, что именно нужно найти, искать сложно. Но бог верил в свои силы и знал: на маленьком расстоянии его талант способен проделать такой фокус. Осталось только сосредоточиться и понять, куда толкает хозяина инстинкт. Матушка Рансэни, чувствуя, что решается ее судьба, замолчала. Простояв на одном месте несколько минут, словно изваянная кем-то в излишне натуралистической манере большая статуя, неожиданно пополнившая обширную коллекцию статуэток лавочки, Рик наконец неторопливо сдвинулся с места и направился к столику у прилавка, заваленному такой грудой вещей, что круглая столешница едва угадывалась. Бог нашел нужную точку, теперь оставалось только поиграть в «огонь и лед». Принц взял в руки подсвечник-фламинго и небрежно отбросил его в сторону – лед, пара записных книжечек в кожаных переплетах тоже полетели на пол, вслед за ними упало малахитовое пресс-папье в виде крокодила. Пузатый пузырек с пахучей вязкой жидкостью присоединился ко все увеличивающейся

горке хлама. Туда же отправились бусы из витаря, промокашка и маникюрные ножницы. Все лед, все не то! Но нужный предмет был все ближе. Руки Рика начало слабо покалывать, и по мере того, как уменьшалась грудa на столике, их жгло все сильнее и сильнее, так, словно принц раскапывал древний артефакт, а не ворох пустых безделиц. Прекратив поиски, Джей присоединился к брату, деятельность которого приобрела откровенно лихорадочный характер.

– Где-то здесь, оно где-то здесь! – приговаривал Рик, все быстрее и быстрее перебирая и отбрасывая вещицы со стола. – Где же огонь?

И вот в руках принца оказалась маленькая, чуть больше ладони в длину, простая шкатулка из темного дерева с красновато-золотистыми прожилками, испускающая легкий аромат хвои. Бог тихо ойкнул, ощутив жар, охвативший ладони. Но опалив его магической силой, волшебный жар тут же угас, превратившись в едва уловимое тепло. Нетерпеливо подцепив крышку, Рик откинул ее. Шкатулка была пуста.

– Ничего не понимаю, – возмущенно удивился рыжий бог. – Я же чувствую, что нашел то, что искал. Но она пустая!

– Или все-таки нет... – прищурившись, пробормотал Джей и, протянув пальцы, взял что-то, невидимое брату, со дна шкатулки. В руке принца оказалась пара костяных пластинок размером с ладонь. Бог воров восхищенно присвистнул, в его голубых глазах зажегся азартный огонь.

– Мы искали именно их? Что это? Какие-то странные картинки? Но какой от них толк? – удивился Рикардо, разглядывая две одинаковые пластинки со странными символами: три стоящие ребром шестигранные костяшки и шутовской колпак с тремя бубенцами в виде бутонов розы.

– Кажется, их. Клянусь демонами, знакомый стиль безумца Либастьяна, – азартно прошептал Джей и перевернул пластинки.

Теперь удивленный свист вырвался из уст Рика. А бог воров испустил приглушенный ликующий клич. То, что братья увидели прежде, было лишь изнанкой: на обороте пластин в рамке уже знакомого узора из костяшек, роз и шутовских колпаков красовались мастерски выполненные изображения двух мужчин. Время не стерло яркие краски. Казалось, портреты в упор смотрят на богов, вот-вот разомкнут уста и заговорят. Под первым – худощавым голубоглазым блондином, одетым в голубое и охристое, – вилась подпись: Туз Лжи и Авантюр. Веселая жестокая усмешка, острый нос мужчины и тонкие пальцы правой руки, лежащие на рукояти кинжала, вполне соответствовали этому наименованию. В левой руке блондин держал колоду карт, а на поясе маячило нечто, явно похожее на кольцо с набором отмычек. Под вторым мужчиной – ярко-рыжим востроносым типом с зелеными хитрющими лисьими глазами, разодетым в зелень и золото, наличествовала надпись – Всадник Торговец. Хитрец подкидывал на руке кошелек. Оба эти изображения мог запросто узнать любой, хотя бы вскользь знакомый с семьей короля Лоуланда.

– И ты тоже влип, брат, – прошептал Джей, расплываясь в довольной улыбке при взгляде на изображение Всадника Торговца. Принца согрела мысль о том, что друга приобщили к пророчествам. Входить в историю в обществе угрюмого воителя Нрэна казалось проказливому богу воров весьма прискорбным.

– Влип? Во что? – недоуменно переспросил Рик, но, сунув нос в картинки, забыл свой вопрос. – Ты только погляди, это же ты и я, – недоверчиво помотал головой рыжий и невольно поморщился от резкой боли, неожиданно пронзившей висок.

– Ага, – радостно подтвердил вор.

– Мы явились сюда на поиски собственных портретов руки картежника Либастьяна? Что-то не припомню, чтобы я этому безумному типу позировал, – уточнил бог магии, изо всех сил старающийся разгадать шараду: почему они с братом нарисованы на старинных пластинках со столь странными надписями. Но ничего не получалось, к тому же нежданно нагрянувшая

головная боль затухала очень медленно и неохотно. Но загадки загадками, боль болью, а возмутиться Рик все-таки сумел:

– И за какие такие заслуги ты целый Туз, а я только Всадник?²

– А Джокеры знают, – пожал плечами Джей и, словно только что вспомнив о существовании пленницы, обратился к матушке Рансэни: – Откуда у тебя эта шкатулка, ведьма?

Старушка, внимательно наблюдавшая за богами и успевшая понять, что они нашли то самое «нечто», которое искали, а значит, смерть может пройти стороной, только вздохнула:

– Сожалею, ваши высочества, но знаю я маловато. Признаться, до сих пор считала, что ларчик пуст. Наверное, он из вещей-хранителей, которые не каждому показывают свое содержимое. Ларец в последней поездке купил мой агент на аукционе в Сиратоне соединенным лотом вместе с зажигалкой, десятком вышитых платков и часами. Его заинтересовали именно часы с гравировкой, поэтому пришлось заплатить и за остальные предметы. Но откуда эти вещи поступили на Сиратонский помост, я не знаю.

Джей недоверчиво фыркнул и снова начал прикидывать, а не освежит ли пара-другая порезов память склерозной старушенции. Но вмешался Рик, поневоле встав на сторону бедной запуганной лавочницы:

– Она права, братец, Сиратон – один из немногих легальных аукционов, балансирующих на грани закона. Предметы, поступившие туда, не проходят тщательной проверки через КATALOGI сокровищ, и покупателям не сообщается об их прежних владельцах ровно ничего, даже названия мира. Но зато там можно встретить по-настоящему ценные вещи и приобрести их за ничтожную цену. Мелиор от Сиратона в восторге. Аукцион в этом мире – одно из немногих событий, способных заставить его оторвать высокородную задницу от кресла. Если он не присутствует там сам, то посылает агентов.

– Хорошо, – остыл принц. – Значит, расспросим брата.

Бережно опустив пластинки в ларчик (теперь они, даже пребывая на дне хранилища, оставались видимыми и Рику), Джей захлопнул крышку и торопливо бросил, направляясь к двери:

– Нам нужно срочно поговорить с Элией.

Рыжий маг согласился, догадавшись, что разговор с сестрой приоткроет завесу над тайной картинок, и устремился вслед за братом.

– Ваши высочества! – жалобно возвала к богам забытая матушка Рансэни.

– Живи, старуха, – великодушно разрешил принц Джей, а Рик прищелкнул пальцами, мимоходом развевая путы заклинаний, крепко держащих лавочницу.

Хлопнула всегда мягко закрывавшаяся дверь, в последний раз звякнули вазочки на полках, качнулся гобелен с красавицей, расчесывающей кудри, заплясали и успокоились тени. Пожилая ведьма осталась одна.

Сделав пару шагов, матушка тяжело рухнула на стул и испустила вздох, полный облегчения. Только теперь, когда опасность осталась позади, мужество, позволившее ей вести диалог с богами, покинуло женщину. Колдунью Рансэни начала бить дрожь. Не слушались руки, которыми она пыталась расстегнуть кружевной воротник, сдавивший шею, ватная слабость связала ноги. Лавочница прекрасно понимала, что сегодня ей чудом удалось избежать встречи со Служителем Смерти. Мстительность и жестокость богов Лоуленда были известны в мирах не меньше, чем их могущество и яркие таланты. Возможно, Рансэни спасло только то, что она держала лавку в столице Лоуленда: в Мире Узла принцы вели себя несколько сдержаннее, чем обычно. И к какой бы тайне ни обнаружили сегодня ключ боги, пожилая ведьма не собиралась совать в ее скважину свой нос. Ведьмам, рассчитывающим на спокойный сон и желающим понянчить праправнуков, лучше не знать о деяниях шальных богов. Матушка еще раз вздох-

² В Колоде Либастьяна самой старшей картой является Джокер, а далее идут Ферзи, Тузы и только потом Всадники.

нула, нагнулась и пошарила на нижней полке шкафчика, где у нее был припрятан кувшинчик с крепкой душистой настойкой для успокоения нервов. Колдунья все еще помнила, что в ее лавку только что приходили боги, угрожали ей и что-то нашли, но что именно – как раз это начало быстро стираться из памяти.

Пока боги вели обыск в лавке, окончательно стемнело, но по-прежнему накрапывал дождь, и принцы натянули капюшоны. Ларчик Джей так ловко спрятал где-то в необозримых глубинах своего плаща, что не осталось внешних признаков его местонахождения. Боги быстро зашагали по улице, перебрасываясь на ходу словами.

– Элии сейчас нет в замке, я пробовал связаться с ней дня четыре назад, но заклятие вызова блокируется, – с сожалением констатировал Рик.

– Отдыхает где-нибудь и не желает, чтобы ее беспокоили, – беспечно предположил Джей. – Кажется, она говорила, что собирается поразвлечься. Придется потрясти ее пажей. Дело срочное.

– Потрясем, – согласился рыжий, готовя заклятие правдивости, но надеясь, что удастся обойтись без магии. Элия не одобряла выбивание информации из своих слуг при помощи заклинаний и ментального воздействия. Недовольство богини могло сильно затруднить предстоящий диалог.

Телепортировавшись сразу к покоям любимой сестры, принцы позвонили в дверь. Мелодия звонка «Расставание» подсказала богам, что принцесса Элия по-прежнему отсутствует. Но паж Лиам – один из последних любимчиков богини, разодетый в темный бархат и кружева, – моментально распахнул дверь с вежливой улыбкой на пухлых губках. При виде принцев, не раз врывавшихся к принцессе Элии с невероятной скоростью и сшибавших паренька с ног, улыбка разом утратила сердечность, а фиолетовый взгляд стал строг, даже кончики длинных ресниц заострились, как пики. Но официальный поклон и речь мальчика оставались безукоризненно любезными:

– Прекрасный вечер, ваши высочества. Принц Джей, принц Рикардо. Ее высочество принцесса Элия в настоящее время отсутствует, о времени ее возвращения мне неизвестно. Если вы желаете оставить устное, письменное или магическое послание для госпожи, я с удовольствием приму его и передам ее высочеству по возвращении.

– Нет, никаких посланий. Нам нужно знать, где находится сестра, – грубо оборвал пажа Джей и подкинул на ладони кошель, намекая на то, что добровольное сотрудничество будет щедро оплачено.

Но Лиам гордо вскинул голову, золотистые волосы мальчика соблазнительно рассыпались по плечам, заставив Рика еще раз оценить вкус сестры и посочувствовать тщетным потугам Энтиора, который уже не раз пытался перекупить раба для своего удовольствия. Скромно притушив сердитый огонек в редкостно-фиолетовых очах, неподкупный парнишка строго ответил:

– Ваши высочества, если моя госпожа не поставила вас в известность о месте своего пребывания, то почему я, рискуя вызвать недовольство хозяйки, должен открыть вам секрет?

– Наверное, потому, – ответил Джей, раздосадованный тем, что испытанный прием – взятка – не подействовал, – что если ты этого не сделаешь, я отрежу твой дерзкий розовый язычок и заставлю тебя его съесть. Тогда, малыш, ты поневоле станешь совершенствоваться в искусстве молчания.

Бог воров извлек из ножен любимый кинжал и принялся любовно осматривать оружие, словно прикидывая, как лучше приступить к пыткам.

– Принц Джей сегодня не в настроении, – привалившись к дверному косяку, по-дружески намекнул Рик, подмигнув пажу. – Его клинок уже отведал крови одной ведьмы. Так что не

советую его сердить. Элия не любит увечных мальчиков, а вот принц Энтиор просто обожает, особенно немых. Кричать ты сможешь, а вот рассказать о том, почему кричишь, – нет.

Лиам нервно дернулся, сглотнул, словно проверяя, на месте ли его язык, глянул в холодные голубые глаза бога, поигрывающего кинжалом, перевел взгляд на «сочувствующего» принца Рика и понял, что помощи ждать неоткуда. Румянец стыда залил щеки мальчика, и он раскололся:

– Ее высочество на Олонеze в Измиане.

– Спасибо, малыш, – поблагодарил Рик запуганного пажа за информацию и милостиво похлопал его по покрытой нежным пушком персиковой щечке.

Джей только хмыкнул и спрятал кинжал, резко развернувшись на высоких каблуках. Получив сведения, боги перестали замечать мальчишку. Он снова стал для них тем, кем был всегда: маленьким ничтожеством, с которым ради достижения своих целей можно сотворить все что угодно: подкупить, запугать, запытать или просто убить. Именно сознание собственной незначительности, прочитанное во взглядах принцев, заставило Лиам сказать правду. Неглупый мальчик знал: его жизнь для богов меньше, чем ничто, и даже любимая госпожа не будет тщательно искать неожиданно исчезнувшего пажа. Если не смог уцелеть – сам виноват. Слабость она простить могла, но глупцы неизменно раздражали богиню Элию.

– Значит, отправляемся на Олонеz? – уточнил Рик, попутно решив прощупать, насколько срочная и важная тайна связывает Джея и Элию, требует ли она немедленного вмешательства в жизнь сестры.

Конечно, развеселый Олонеz – одна из любимых вотчин богини – не укромный Лельтис, населенный детьми природы, и не безлюдный диковатый Эйт, но если принцесса не приглашала братьев присоединиться к ее забавам, неожиданным гостям могло и не поздоровиться.

– Да, – подтвердил Джей. – Я знаю дорогу в Измиан.

– Веди, – великодушно разрешил Рик.

Джей ухватил брата за рукав и телепортировался из замка. Убедившись в том, что братья госпожи исчезли, Лиам с силой захлопнул тяжелую дверь в апартаменты принцессы Элии, запер ее на засов изнутри и, одиноко скорчившись на коврикe, разрыдался, размазывая слезы по щекам. Обида и унижение душили мальчонку, тем более что не было никакой возможности отплатить обидчикам.

О, веселый, гостеприимный, свободолюбивый, вольный, легкомысленный Олонеz! Беспечный мир, распахивающий свои врата каждому, кто желает поразвлечься и не обременяет себя комплексами морали! Ученые, художники, поэты, лучшие мастера и торговцы стекались в Олонеz, чтобы навсегда оставить там частичку своего сердца. Мир процветал и богател под покровительством Сил из Двадцати и Одной. Поговаривали, что особое расположение оказывают ему Силы Невмешательства и Силы Эроса. Первые благоволили терпимости Олонеza ко всем и каждому и отсутствию предрассудков, вторые – его фривольным развлечениям, отличающимся дивным многообразием, способным удовлетворить любую самую извращенную и богатую фантазию. Какой только публики не встречалось на Олонеze – в мире праздника, маскарадов, розыгрышей, полном кипучей, радостной энергии! Туда отправлялась богиня Элия, когда желала погрузиться в пучину развлечений. Владения принцессы включали загородный дом в провинции и городской особняк в столице Олонеza – Измиане.

Принцы Лоуленда перенесли на широкую городскую улицу, заполненную хохочущим народом с факелами в руках, пылающими сотней оттенков красного, оранжевого, зеленого, желтого и даже синего. Гроздь магических огней расцветивали воздух. Пестрые, переливающиеся одеяния публики словно создавались под стать разноцветным факелам. Казалось, лоулендцы угодили в море пламени. В Измиане отмечался День костров. Звучала музыка, звенели колокольчики и били бубны. С разных концов улицы доносилось сразу пять мотивов

различных песен. Весело горланившие, смеющиеся жители и гости Олонеца танцевали вокруг огромных костров, пили вино и уплетали еду, приготовленную тут же, на обыкновенном огне, а в самом пламени и рядом с ним плясали огненные человекоподобные элементали, саламандры, фениксы, духи огня, боги и маги-огнепоклонники. В Измиане сейчас было столько свободной магии, что у Рика даже начали электризоваться волосы и защипало щеки. Или это его кто-то ущипнул?

– А где в Измиане живет Элия? – крикнул на ухо брату Рик, уворачиваясь от парочки настойчивых и почти голых дам с ярко-розовыми факелами. Условная одежда и просторные участки обнаженных тел красавиц были разукрашены в тот же ослепительно-розовый цвет поросычей радости.

– Понятия не имею, последний раз я был здесь лет семьдесят назад с подружкой на Карнавале трусиков, – честно и очень громко признался в отместку рыжему магу слегка оглохший Джей, мимоходом пощупав особенно привлекательную грудь. – Будем искать!

– Здесь столько народу, что заклятие поиска быстро не настроишь, – покачал головой Рик, досадливо стирая со щеки люминесцентно-розовую помаду.

– Тогда спросим! – предложил Джей и, схватив брата за руку, пока веселый поток не разлучил их, свернул на боковую, более узкую улицу, где День костров не отмечался столь интенсивно исключительно по причине тесноты и невозможности запалить хороший огонек.

Выбравшись из толпы, боги пошли быстрее, оглядываясь по сторонам в поисках внушающего доверие и относительно трезвого субъекта, к которому можно было бы обратиться с животрепещущим вопросом о вероятном местонахождении богини Элии.

– Минутку, отважные кавалеры! Потратьте грошик, и тайны будущего раскроются перед вами! – воззвал к богам появившийся из какой-то подворотни тип в плаще из темного пламени и высоком цилиндре. Худой и еще очень молодой мужчина с бездонными глазами брошенного щенка сдернул с длинных, довольно сальных волос свой цилиндр и поклонился принцам.

– Ну давай. – Принцы, любопытные сверх всякой меры, приостановились и выжидательно уставились на гадалею.

– Сейчас моя волшебная колода приоткроет завесу грядущего! – предрек парень и жестом фокусника извлек из воздуха пухлую колоду карт.

– Оп! – торжественно заявил предсказатель, и большой палец его руки, которому полагось снять первую карту, перевернул всю колоду разом. Карты пестрым веером разлетелись по мостовой. Взмахнув плащом, словно птица крыльями, незадачливый гадалщик кинулся ловить их и рассовывать по карманам. Принцы ухмыльнулись.

– Вот незадача, придется воспользоваться другими картами, – признался парень.

Засунув руку в плащ, он извлек еще одну колоду, поменьше, театрально раскинул руки, намереваясь перемешать карты и заодно произвести на публику впечатление своей ловкостью. Веер снова разлетелся по мостовой.

– Парень, какой лесоруб учил тебя тасовать? – не выдержав, бурно возмутился Джей под гомерический хохот Рика, удивляясь столь грубому обращению с колодой, являющейся святыней для любого картежника.

– Я хороший гадалец, кавалеры, – гордо заявил красный от стыда предсказатель, выпрямившись во весь рост. – Мои расклады никогда не лгут! Но вам я не сумею открыть будущего. Карты или не могут говорить сегодня, или не желают!

Молодой гадалщик беспомощно развел руками и печально покосился на кошелек, висевший на поясе бога торговцев.

Принц усмехнулся и извлек из кошелька монету. Подкинув ее на ладони не в пример ловчее стоявшего перед ним тасователя колоды, Рик предложил:

– Если уж карты сегодня не в настроении, то, быть может, ты сам сделаешь маленькое предсказание, воспользовавшись не талантом провидца, а памятью.

– Что угодно кавалерам? – В гадале вновь ожила надежда заработать, и он выжидательно уставился в лицо принца.

– Нам нужно знать, где живет самая прекрасная леди Измиана и всего Олонеца, – прошептал рыжий бог, твердо уверенный, что в любом из миров его сестра будет считаться таковой.

– Именно леди? – уточнил предсказатель, прикидывая, чего именно хотят от него мужчины. Если они жаждали развлечений и искали бордель, то почему спрашивали только об одной даме и называли ее леди? Или кавалеры просто осматривали местные достопримечательности? Гадальщик начал склоняться ко второй версии.

– Точно, – подтвердил Джей.

– Вы разыскиваете особняк леди Эллиен? – осторожно предположил гадальщик, опасаясь снова попасть впросак.

– Угадал, – согласился Рик, услышав одно из имен сестры. – Укажешь дорогу?

– Это самое меньшее, что я могу для вас сделать, кавалеры, сожалею о том, что мои маленькие друзья не желают сегодня работать, – кивнул юноша и дал на удивление четкие для своей профессии указания: – Вам нужно снова вернуться на улицу Искр, подняться вверх, до ее пересечения с проспектом Роз. Особняк леди Эллиен седьмой по счету.

Рикардо метнул гадальщику честно заработанную монетку. Тот проворно, доказывая, что не является таким полным растяпой, каким выглядел, рассыпая по мостовой карты, поймал ее и быстро спрятал за поле цилиндра.

– Удачи вам, кавалеры! – пожелал вслед щедрым мужчинам юноша, отвечивая короткий поклон.

– Тебе того же, – небрежно бросил благословение бог воров. – Больше не разбрасывайся картами!

Вынырнув из тихого переулочка на улицу Искр, боги снова оказались в кипящем котле сумасшедшего веселья, так и норовившего вовлечь их в свою круговорот. Если бы не ларчик под плащом Джея, принцы охотно сдались бы на милость судьбы и присоединились к гомонящей толпе. Оба бога любили шумные, яркие развлечения. Но на сей раз что-то, близкое к чувству долга, заставило их последовать указаниям гадальщика, пренебречь общим весельем и отправиться на розыски дома Элии.

– Интересно, это он такой растяпа или наше будущее столь непредсказуемо? – вслух, не опасаясь, что в такой гаме их могут подслушать, спросил Рик, подныривая под раскинутые в приглашающем объятии руки какого-то веселого гиганта.

– Не знаю, братец. Мне как-то пытались полностью предсказать судьбу в храме на верхнем Уровне, но не смогли расшифровать ее узоры, – вспомнил Джей, спасая край своего плаща от трех шkodливых мальцов, разрисованных от кончиков острых ушей до мохнатых пяток, – шалуны пытались подпалить материю. – Потом-то я иногда из любопытства забредал к нашим провидцам. На несколько лун они видели и даже кое-что угадывали, но не дальше. И, что любопытно, год от года они прозревают все меньше. Вот и гадай, то ли с провидцами что-то не так, то ли со мной?

– Может, это и к лучшему, что мы столь непредсказуемы? Вот Нрэн, тот вообще люто ненавидит пророчества. Знать бы еще почему. Что ему такого наворожили, если он так и норовит свернуть шею каждому попавшемуся под руку гадале? – задумался рыжий сплетник.

– Наверное, Элию, – не без зависти процедил Джей и махнул рукой на объемную вывеску, распространявшую одуряющий розовый аромат и мерцавшую во мраке не только красными буквами, но и изображением цветка. Видимо, символические обозначения использовались в Олонеце для неграмотных или от природы неспособных к чтению созданий. Для чего было вывеску ароматизировать, вор не знал, но предположил, что таким образом олонезцы заботятся о существах, лишенных зрения.

– Не исключено, – согласился Рикардо, сворачивая вслед за братом на проспект Роз, где, по словам гадателя, проживала сестра.

Глава 2

Общий сбор

Не такое это простое дело – ходить в гости!
м/ф «Винни Пух идет в гости»

Ровно в полночь придю к вам в гости и буду до рассвета вопросы задавать.
м/ф «Ух ты, говорящая рыба!»

Светло-серая черепица особняка была единственным, что виднелось через высокую ограду, выкованную в виде зарослей роз из некоего черного и серебряного, без блеска, металла. Изящное плетение забора оставляло бы большее пространство для обозрения, если бы не заклятие непроницаемости, предупредительно мерцающее на всем протяжении ограды плотным занавесом и оберегающее покой богини от нескромных взглядов публики. Кованые створки огромных ворот, через которые спокойно могли въехать две кареты рядом, располагались между двумя статуями, изображавшими богато одаренных мужественностью симпатичных атлетов. Ни магического звонка, ни привратников, ни обычного колокольчика у ворот, словно спаянных между собой, не наблюдалось.

Принцы внимательно изучили обстановку и переглянулись, решая, как поступить. С одной стороны, им хотелось как можно скорее донести до сестры весть о своем визите и проникнуть внутрь, а с другой, не орать же, надрываясь, у Элии под окнами. К тому же с сестры станется наложить на ограду заклятие тишины, препятствующее проникновению городских звуков внутрь защищенных владений, и тогда ор окажется бесполезной затеей. Лезть через высокий забор, ошестинившийся острыми наконечниками шипов, рискуя порвать одежду, богам тоже не хотелось. Врываться, пользуясь колдовством, было тем более рискованно. Не ожидавшая вторжения и столь грубо потревоженная сестра явно окажется не расположена к общению.

– Ну, долго стоять будем да глаза мне мозолить, кавалеры? – не выдержав затянувшейся театральной паузы, возмутилась статуя атлета слева, насупила брови и, опустив руку, почесала свое ничем не прикрытое богатство.

Боги невольно вздрогнули от неожиданности, но за словом в карман не полезли.

– Пока непустишь, – подбоченившись, нахально откликнулся Джей, взмахнув полкой плаща.

– Точно, – подтвердил Рик, тоже встав в позу.

– Какие скорые. Сначала доложите. Кто и по какому праву осмелился беспокоить леди Эллиен? – надменно поинтересовался мраморный атлет, пуще прежнего насупив брови и многозначительно сжав правую руку в кулак.

– Ее братья, – запросто пояснил рыжий бог и, не сдержавшись, поморщился от головной боли, накатившей с новой силой.

– Чем докажете родство? – въедливо поинтересовался неумолимый, преисполненный скепсиса каменный привратник.

– А что, фамильное сходство не очевидно? – возмутился Джей, повернувшись в профиль, дабы атлет мог получше разглядеть его острый нос и благородный лоб.

– Нет, – отрезала статуя, скрестив на груди руки и всем своим видом показывая, что мимо нее дерзкие чужаки не прорвутся.

– Ну что подделаешь, я не такой красавец, – закручинился Джей и, немного помолчав, не без гордости добавил, вновь задрав нос: – Я другой красавец.

Статуя только хмыкнула.

– Доложи ее высочеству, Элии Ильтане Эллиен дель Альдене, что пожаловали с визитом ее братья, их высочества Джей Ард дель Лиос-Варг и Рикардо Гильен Рейнард. И лучше тебе, дружок, сделать это поскорее, дабы не вызвать недовольства принцессы Лоуленда, – прекратив паясничать, с царственной важностью и надменным аристократизмом приказал Джей.

– Хорошо, – неожиданно покладисто согласился оглушенный титулами атлет и застыл неподвижно, словно жизнь покинула удивительную статую. – Обождите несколько минут, ваши высочества.

– А почему это ты себя первым назвал? – сварливо спросил Рик, массируя виски.

– По алфавиту, – отбрехался Джей и, переведя тему, поинтересовался: – Как это чучело разговаривает и двигается? Я не чую заклятия оживления!

– Я тоже, – признался бог магии и предположил: – Скорее всего, камень живой от природы, такие встречаются в мирах. Поэтому и следов заклятий не видно. Но наверняка не скажу, магический фон сам по себе высоковат. Сканировать сложно. Элия от души поколдовала³.

– Ваши высочества, – статуя атлета снова ожила, и на сей раз в ее голосе слышалось значительно больше уважения и интереса к посетителям, – леди Эллиен приглашает гостей пройти в дом. Вы будете удостоены аудиенции.

Скульптура приглашающе повела рукой. Ворота истаяли в воздухе, открыв дорогу из широких светло-серых кое-где поблескивающих слюдой шестигранных плит. Боги ступили на них, и кованая решетка ворот вновь возникла уже за их спинами. С затылка статуи вспорхнула крохотная, не больше ладони длиной, фигурка, и закружилась в воздухе перед принцами. Зависнув напротив лиц мужчин, малютка упер руки в бока и сурово спросил уже знакомым глубоким баритоном:

– Чего уставились? Сильфа первый раз видите?

– Такого нахального – первый раз, – признал, хохотнув, Джей.

Рик подмигнул брату. Загадка статуи благополучно разрешилась. Не сила живого камня, а проказливый дух воздуха, щедро одаренный магическими силами, управлял скульптурой, играя роль привратника.

Кроха фыркнул, негодуя затрепетал нежно-розовыми крылышками и, отвернувшись от богов, полетел вперед, показывая дорогу к трехэтажному особняку из белого, с едва уловимым оттенком нежной желтизны, камня. В высоких окнах здания и на застекленной веранде, одной стороной смотрящей на ворота, было темно. Зато на крыльце и вдоль дороги висели гроздья светящихся шаров, соединенных в паутину, словно сотканную из лунных лучей и крупных капель росы. Этот свет отражался в темноте окон и в воде фонтанчиков, разбросанных по небольшому саду, окружавшему дом. Гости шли по дороге, но казалось, что они плыли по лунной дорожке среди бархатного океана тьмы.

При приближении принцев двери особняка не истаяли с театральным эффектом, как это случилось с воротами, а гостеприимно распахнулись, пропуская богов. Сильф залетел первым и, сделав сальто, махнул ручкой, давая понять, что принцам надлежит и дальше следовать за провожатым. Мраморный пол под ногами мужчин засветился, рассеивая полутьму выгнутого дугой холла. Сильф, словно яркая звездочка, сверкнул в мягкой полутьме и нырнул под высокую арку справа. Джей и Рик зашагали следом.

³ В Лоулендском замке – общем доме королевской семьи – боги старались не злоупотреблять бытовой магией из соображений безопасности. Среди заклинаний дюжины богов с легкостью могли затесаться чары недоброжелателей, с помощью которых житейские заклятия превращались в угрозу для жизни и здоровья их поленившегося составителя. Выловить таковые из огромной сети чар, сплетенной принцами, было бы непросто. Но, оказываясь в личных владениях в мирах, боги ни в чем себе не отказывали и пользовались самыми разнообразными видами магии. Единство силы, используемой для составления заклинаний, было неплохой гарантией защиты от постороннего вмешательства.

В небольшой овальной комнате-приемной на камине тут же зажглись толстые витые свечи в паре канделябров черного серебра. Покружившись над глубокими кожаными креслами у камина с тлеющими угольями, сифф велел:

– Присаживайтесь, кавалеры. Хозяйка скоро присоединится к вашему обществу, – и исчез.

Принцы не заставили себя упрашивать. Скинули мгновенно просохшие плащи на спинки кресел, плюхнулись на сиденья и приготовились к долгому ожиданию, дружно уложив ноги на небольшой столик рядом. Ни напитков, ни закуски им предложено не было, значит, принцесса сердилась на братьев, явившихся в неурочную пору, и могла продержат их не один час. Но богиня не оправдала закономерных опасений. Через несколько минут по большому гобелену, украшавшему стену справа, пробежала волна, и сцена веселого фривольного пикника сменилась мерцающей, как водопад, завесой, через которую в комнату шагнула богиня Элия, как всегда, настолько прекрасная, что принцы испустили вздох восхищения.

На принцессе было простое, подчеркивающее безупречную фигуру черное платье, затканное серебряными и розовыми листьями. Мотив вышивки повторялся в украшениях: серебряные серьги-листочки негромко позванивали в ушках, полускрытых локонами светлых волос, собранных в высокую прическу. Удивительно скромный ворот платья под горлышко искупал глубокий вырез на спине, который узрели братья, когда Элия повернулась к ним в профиль.

Принцы вскочили и отвесили сестре по элегантному поклону.

– Прекрасный вечер, дорогая, – засиял чуть заискивающей улыбкой Рик.

– Я бы сказала, *был*, – с тенью неудовольствия подчеркнула принцесса, коротко кивнув в ответ на приветствия, мягкие локоны затанцевали в такт словам богини вокруг безупречного овала лица.

– Дорогая, я никогда не осмелился бы столь дерзко нарушить твоё уединение, – заверил сестру бог. – Это все он! – Обвиняющий перст Рика уперся в грудь задохнувшегося от возмущения Джея. – Он заявил, что дело не терпит отлагательств! И что ты, узнав, о чем речь, не будешь сердиться!

– Что ж, я сурова, но справедлива, прежде чем выкинуть вас за дверь и превратить в коврики, послушаю твои оправдания, Джей. Можешь начинать! – пригласила принцесса, занимая третье и последнее кресло перед камином.

– Настало время вернуться к разговору, начатому после слов Ижены⁴, сестра, – оставив кривлянье, серьезно сказал бог.

– И почему именно сейчас? – уточнила богиня, испытующе глянув на брата.

– Вот. – Джей достал ларчик и толчком послал его через столик к Элии. – Погляди, что мы сегодня отыскали в лавчонке матушки Рансэни на Радужной улице.

Богиня внимательно оглядела неброский, но изящный в своей идеально строгой простоте ларец. Тонкие пальцы принцессы подняли полированную крышку. Дорогое дерево чуть потеплело от прикосновения богини, и в воздухе повеяло ароматом хвои. Чуть вздернутая бровь показала, что женщина увидела причудливую изнанку карт – содержимое ларца. Достав пару пластинок, Элия перевернула их, удивленно покачала головой, пристально изучила и признала с усмешкой:

– Однако ты, рыжий, тоже влип! Хотя чему я удивляюсь, куда же Джей без тебя.

– Все говорят, что я влип, но хоть бы кто объяснил, во что! – возмутился любопытный Рик. – Я уж и на подошвы сапог смотрел, кроме обычной грязи, там, ей-ей, ничего нет!

– Я ему не рассказывал, – ответил на безмолвный вопрос сестры бог воров и был вознагражден негодующим фырканьем брата и милостивой улыбкой богини. Насколько милости-

⁴ Ижена – жрица, член посольства Жиотоважа, прорицательница.

вой, что Джей криво ухмыльнулся и дерзко уточнил: – Я так понимаю, грубое выкидывание за дверь любимых братьев отменяется?

– На сегодня – да. – Улыбка принцессы стала шире и теплее. – Вы правильно сделали, что пришли. И мы все расскажем тебе, Рик, все, что знаем. Но дело касается не только тебя одного. Я понимаю, великому сплетнику трудно смириться с тем, что он не первым во Вселенной узнает важные новости, но на сей раз ничего не поделаешь. Придется собрать Семейный Совет. Время пришло.

– Возвращаемся в Лоуленд? – утвердительно спросил рыжий бог, поскольку все значительные собрания принято было проводить в родовом замке.

– Нет, – покачала головой Элия. – Здесь. Дома слишком много лишних глаз и ушей. Мир Узла всегда привлекает внимание, да и время играет против нас.

Рик недоуменно нахмурился, раньше принцесса полагала защиту королевского замка достаточной для любого Семейного Совета, но спорить с сестрой не стал. Не зная вопроса, который Элия собиралась поставить, сложно было приводить весомые аргументы «за» или «против», поэтому бог положился на мнение родственницы.

Богиня встала и по-особому прищелкнула пальцами. Тут же метнулась яркая вспышка, и на плечо Элии опустился малютка-сильф, почтительно затрепетал яркими крылышками и осыпал ворот ее платья крохотными искорками волшебной пыли.

– Что угодно повелительнице?

– У меня будут гости, Зифф. Пусть приготовят большую комнату, пожалуй, читальню на втором этаже. Камин, вино и легкая закуска, – приказала богиня.

– Хорошо, хозяйка, все будет исполнено, – благоговейно согласился дух. От дерзости, с которой малыш общался с мужчинами, не осталось и следа.

– И вот еще что, – вспомнила принцесса, когда сильф уже собирался вспорхнуть с плеча. – Проводи Чека Вару. Сегодня я не смогу насладиться его искусством.

Дух сорвался и стремглав понесся выполнять указания Элии.

– Не мелковата у тебя прислуга, сестра? – скептически усмехнулся Рик.

– Это не прислуга, а мажордом. Тут главное не размер, а темперамент и управленческий дар, – наставительно пояснила богиня, воздев перст.

– Ну не скажи, дорогая, – прищурился Джей. – Размер зачастую весьма важен. Вот будь Нрэн сильфом с мой палец, как бы он командовал войском?

– Нрэн? Да запросто, – пожала плечами принцесса, укладывая карты в ларец, передавая его брату и поднимаясь из кресла. – И мне жаль того, кто не сообразил бы сразу, что это так.

– Пожалуй, ты права, – подумав и оценив таланты кузена, благоговейно согласился Рик.

– Но он не сильф, – тоже вставая, фыркнул Джей, ярко представивший себе заманчивую перспективу измышательства над крохотным сварливым кузеном. – На такие извращения не тянуло даже покойного дядюшку Моувэлла, где бы там ни витала его душа, да благословят ее Силы и Творец.

– Интересно, где ты раздобыла столь уникального мажордома? – продолжил расспросы Рик, вместе с родственниками покидая приемную.

– Выкупила у одного полоумного мага из соседнего мира. Он держал Зиффа в клетке из каменного дерева, блокирующего магию воздушных созданий, и время от времени стрясал с духа порцию волшебной пыли для зелий и заклинаний, – ответила богиня, не делая секрета из позорного пятна рабства в биографии сильфа.

Из маленькой приемной Элия вновь вывела братьев в холл, где они повесили плащи на деревянную вешалку-статую в виде гамадриады, будто застигнутой чарами паралича в минуту превращения из девушки в дерево. Изящная вешалка не только услаждала взоры своим эстетичным видом, но и благодаря обилию веток-крючков прекрасно справлялась с утилитарной

функцией. Поднимаясь вслед за сестрой по левой из трех мраморных лестниц, сплетник Рик задумчиво констатировал:

– У твоего управляющего странное для сильфа имя. Подозрительно куцее. Ты уверена, что он не из беглых отступников?

– Уверена. Его зовут Зиффиранелусэльфанторан Эйживальканториальк Алькароф-эан, – усмехнулась Элия, скороговоркой произнося имя достойного мажордома. – Но, сам понимаешь, дорогой, если я каждый раз буду звать Зиффа по имени, нареченному кругом сильфов при рождении, то ничего другого попросту не успею.

– Пожалуй, – честно согласился бог магии, покачав головой. По части заумности и длинноты имени сильф едва ли не переплюнул самого Энтиора, все имена которого по специальному распоряжению короля не называли даже на торжественных официальных представлениях. И тоже из экономии времени. На что Энтиор конечно же изволил дуться, изображая глубоко оскорбленное достоинство. Но Лимберу на явные и мнимые обиды самовлюбленного сына-вампира было глубоко наплевать.

– Зифф... Эйжи... Алька... Хорошая скороговорка, – перепрыгивая сразу через несколько ступенек, одобрил Джей, в отличие от Рика, по долгу божественного призвания никогда не вникавший в особенности наречения духов воздуха.

– Когда надумаешь посвятить себя сценической карьере, только скажи, я принесу тебе список имен нескольких знакомых мне кругов сильфов, – великодушно предложил Рикардо и собрался было добавить еще что-то, но в этот миг сверху на лестницу ступил некто, показавшийся богам просто необъятным.

Ступеньки тут же засветились под ногами незнакомца, и боги разглядели высокого смуглого мужчину, одетого в длинную шелковую тунику, довольно тонкого в кости, но при этом являющегося почетным обладателем шести рук. Именно конечности придавали его тени столь внушительную громоздкость. Подозрительный тип коснулся правой верхней рукой лба, левой средней губ, правой нижней сердца и, слегка поклонившись, мелодичным голосом промолвил:

– Я сожалею, прекрасная госпожа, что срочные дела помешали вашему благородному намерению провести дивный вечер и насладиться моим искусством. Надеюсь, в другой раз...

Принцы сжали челюсти и опасно сузили глаза, изучая мерзавца, осмелившегося претендовать на внимание сестры, и к тому же – претендовать столь самоуверенно! Смазливость и мужественное достоинство переплелись в чертах его лица в соблазнительную смесь, состоящую из изогнутых луком губ, больших карих глаз, черных бровей вразлет, высоких скул и копны черных кудрей. Шестирукий красавчик всего за несколько секунд одним лишь своим видом и единственной фразой успел довести богов до белого каления.

– Очень надеюсь, кавалер Чек Вару, – вежливо согласилась принцесса, демонстративно и привычно не замечая бешенства ревнивцев-братьев. – Ваше искусство выше всяких похвал.

Монстр поклонился еще раз и продолжил быстро спускаться по лестнице. В холле зашуршала, открываясь, входная дверь.

– Ну и урод, – не выдержав, зло заявил Джей.

– Это точно, – согласился Рик. – Зато, как говорит сестра, его искусство выше всяких похвал. Что же он своими шестью делает такого, что двумя при опыте и сноровке не сотворишь, а, Элия?

– О, Чек Вару великий мастер, – восторженно закатила глаза сестра. – Его еще никому не удавалось превзойти!

Принцы заскрежетали зубами с такой силой, что только лоулендская твердость не дала им превратиться в мелкую крошку.

– Хватит беситься, мальчики, Чек уникальный и талантливейший бард. Он играет на четырех музыкальных инструментах одновременно, я пригласила его дать концерт, – со смехом пояснила богиня, решившая не оставлять недомолвок. Ей, конечно, нравилось провоци-

ровать братьев, но с мужчин стало бы дожидаться окончания Совета и отправиться на розыски шестирукого «любownika», чтобы довести число его конечностей до нормы, а заодно отчекрывать что-нибудь еще.

– Приватные концерты сильно располагают к сближению, – по-прежнему ядовито прокомментировал Джей, перепрыгивая через три последних ступеньки разом.

О том, что из менестрелей любовники получаются ничуть не хуже, чем из воинов, магов и представителей прочих профессий, принц был осведомлен прекрасно.

– Чек гиппофил, – просветила братьев Элия. – Его слабость – кентавры и только кентавры.

– Столь твердое пристрастие достойно похвалы! Уважаю, уважаю, – мгновенно успокоился принц, решив, что даже ради уникально-шестирукого любовника богиня не захочет стать кобылой.

И Рик согласился с мнением брата солидарным кивком, первым проникнув в распахнутые двери и оглядев «читальню», в которую привела их сестра.

Первое, что бросилось богу в глаза: книг там не имелось, зато было уютно. Потрескивали дрова в нескольких больших каминах, расположенных по периметру большой комнаты. Шоколадные изразцы с белым, похожим на глазурь узором сочетались с ореховым деревом, которым были обшиты стены, на несколько тонов темнее оказались плитки паркета, который виднелся между несколькими коврами с оливково-коричневыми абстрактными разводами. Потолок был обит тканью цвета фисташек. Стоило Элии дернуть за шнурок у двери, и потолок засветился. Гармонично вписывалась в обстановку массивная, но не создававшая впечатления громоздкости мебель: удобные кресла, большие и маленькие велюровые диваны, расставленные так, чтобы с каждого из них можно было дотянуться до столиков, ломящихся от «легкой закуски» (фруктов, сладостей, бутербродов) и бутылок с вином. Вино оказалось олонецким, то есть цветным (зеленым, желтым, синим, малиновым...) и весьма своеобразным на вкус.

– А где же книги? – озвучивая вопрос Рика, уточнил Джей, подхватил с ближайшего стола горсть орешков и обосновался в пригланувшемся кресле у камина в дальнем углу. Рыжий занял местечко рядом и тут же налил себе и брату по бокалу зеленого вина, распространявшего «аппетитный» аромат гладиолусов.

– В библиотеке, – ехидно отозвалась принцесса, вздернув бровь. – Да будет тебе известно, брат, именно там и принято хранить книги. Но если ты принес какую-нибудь книжицу с собой, то смело можешь начать чтение, конечно, в этом случае мы отменим Семейный Совет.

– Ладно, не ругайся, – попросил Джей, состроив виноватую мину, и уточнил: – Вызывать будешь ты?

– Разумеется, – уверенно кивнула Элия. – На мой зов братья постараются откликнуться побыстрее. Но оглашать я буду двух вызывающих.

– Э-э... – сплетая и расплетая гибкие пальцы, протянул вор, выражая сомнение в необходимости оглашения его вызывающим.

– Что? – догадливо предположила богиня с насмешливым блеском в проницательных серых глазах. – Твой кроткий, уживчивый характер, добрый нрав и склонность к невинным розыгрышам не нашли отклика в черствых сердцах некоторых родственников, и это может повлиять на адекватность реакции?

Рик тихо захихикал, видно, припомнив те самые «безобидные» шутки, после которых принц опасался показываться на глаза кое-кому из братьев.

– Именно так, – скорбно констатировал Джей, с самым невинным видом захлопав ресницами, и нагло польстил сестре: – Не все столь понятливы и снисходительны, как ты, обожаемая! Не все способны оценить мою трепетную, уязвимую душу!

– Моя снисходительность объясняется лишь тем, что твои шутки направлены на других родственников, – трезво пояснила «милосердная» Элия. – Но пробелы в воспитании ликвидировать

ровать несколько поздно. Нам нужен полный Совет, я буду сама вызывать семью и встречать у читальни. На Совете с тобой никто собачиться не станет, а после наших вестей, думаю, братьям уже станет не до того.

– Дорогая, я буду на тебя молиться! – умилился Джей, отсалютовав сестре бокалом изумрудно-зеленого, как любимый шампунь Рика, вина.

– Тебе чего-то не хватает? – удивилась принцесса, демонстративно скрестив на высокой груди руки.

– Нет, – в честь Элии осушив емкость до дна, самодовольно ухмыльнулся принц и приосанился, сделавшись похожим на призового бойцового петуха. – Но никогда не помешает лишний раз помолиться богине любви о благосклонности женщин и неугасимости своих дарований в любовной сфере. Так, на всякий случай!

– Любопытно, как часто молится папа? – задумался Рикардо, оценивая неукротимый темперамент короля Лимбера, не пропускавшего ни одной юбки, если был шанс найти под ней хоть сколько-нибудь симпатичные ножки. – И как он ухитряется выкраивать время на другие дела, кроме молитв?

– Ему помогает талант бога политики, – подсказала Элия и махнула рукой, показывая, что пора заканчивать треп и возвращаться к тому, ради чего, собственно, братья и посетили ее особняк.

Окинув «читальню» последним хозяйским взором и убедившись, что все указания выполнены, богиня удалилась в коридор, который образовал у комнаты небольшую дугу. Призвав свою личную силу, чтобы придать чарам оповещения узнаваемый характер, принцесса сплела заклятие широкого действия и с достоинством провозгласила:

– Элия Ильтана Эллиен дель Альдена приглашает на Семейный Совет. Сбор в мире Олоне, городе Измиан. Поторопитесь, братья!

Богиня не стала уточнять времени сбора, поскольку родственники находились в мирах Уровня с различным течением времени, и ей оставалось только положиться на милость Сил и надеяться, что перепад при сравнении с Олоном не окажется слишком велик. Оставив луч своей силы маячком в пространстве вселенных, богиня приготовилась ждать. Один за другим боги откликались на ее зов и переносились в коридор особняка. На собрания было принято являться без промедления.

Первым явился встревоженный Лейм. Взъерошенный кузен богини был разбужен заклинанием. Юноша предстал перед сестрой в застиранных до бело-голубого цвета подданных на коленях джинсах и мятой черной футболке, но со шпагой в руках. След от подушки все еще проступал на правой щеке принца, зато глаза горели яростным зеленым огнем, сновидения покинули их. Тревожно сведя густые черные брови, бог воскликнул:

– Элия, что-то случилось?

– Прекрасный вечер, дорогой, рада видеть тебя. – Принцесса ласково провела пальцами по щеке юноши и коснулась его губ в приветственном поцелуе. Лейм засмутился и покраснел, как смущался всегда, когда богиня любви и его единственная любовь уделяла ему внимание. – Случилось, но ничего такого, что можно было бы разрешить, воспользовавшись мечом. Пройди и присоединяйся к Рiku и Джею.

– Привет, сестренка! – Сразу за Леймом появился добряк Кэлер с «маленьким», когда-то, наверное, бывшим половиной индейки-переростка куском мяса в руке. Сразу начало казаться, что в широком коридоре тесновато. – Надеюсь, у тебя найдется что-нибудь перекусить, а то я не успел пообедать.

– Все, что отыщешь на столах, твое, – рассмеялась Элия, вырываясь из братских объятий Кэлера и стараясь, чтобы индейка не оставила следов на ее вечернем платье.

– Я не опоздал? – уточнил Элтон, приземлившись в нескольких миллиметрах от сапога Кэлера и весело притопнув ногой. Судя по торчавшему за правым ухом огрызку карандаша,

ручке, помещавшейся за левым, и чернильным пятнам на пальцах, брат занимался какими-то научными изысканиями.

– Нет, – улыбнулась историку Элия. – Но Рик уже здесь.

– Кто бы сомневался, – хохотнул Элтон, и братья, традиционно похлопав друг друга в знак приветствия по плечам, прошли в читальню.

Тут же по стенам заплескались тени, и следом за первыми тремя родственниками в коридоре неслышно материализовался Тэодер⁵. Одетый в серое и черное, походил на неуловимую тень. Даже пряжка ремня из черненого серебра не давала отблеска. Верная свита – Ноут и Ментор – шагнула на Олонеэ сразу за братом. Они приветственно кивнули Элии и отступили к стене, ожидая действий Тэодера. Сереброволосый Ноут и блондин Ментор с настороженным недоверием следили за кузиной. Красота богини пугала братьев не столько неизбежным чарующим действием, производимым на них самих, сколько тем, что расчетливый, безжалостный, циничный, такой привычный и знакомый им Тэодер смягчался в присутствии Элии.

– Прекрасный вечер, дорогая, – целуя руку сестры, тихо промолвил принц, и в его холодных стальных глазах появилось тепло. – Ты неизменно прекрасна.

– А ты неизменно таинственен, – не осталась в долгу богиня.

– Разве? – скромно удивился Тэодер и проникательно добавил: – Думаю, твои тайны потрясут нас сегодня куда сильнее.

– Не мои, – поправила Элия. – Наши.

– Что ж, пусть так, – кивнул принц и, не дожидаясь приглашения, направился в комнату, из которой доносились голоса.

Неуловимая метаморфоза произошла с богом. Его плавная походка стала несколько вяловатой, в глазах появилось марево задумчивой расслабленности, и неприметность ловца сделалась непримечательностью ничтожества – серой мышки. Ноут мечтательно зевнул, слегка запрокинул голову и зашевелил пальцами, словно играл на невидимой арфе, Мелиор, напротив, уставился куда-то себе под ноги и принялся что-то бормотать.

– Прости, раньше вырваться не мог, мы шли через пролив Клыков в Уварприпиде на всех парусах, – извинился Кэлберт, появившись перед сестрой во влажных от морских брызг кожаных штанах и малахитовой широкой рубашке, подпоясанной золотым кушаком, и встряхнул волосами. В темных прядях запутались капельки воды, украсив прическу бога ничуть не хуже его знаменитых рубинов.

– Главное, что пришел, – заверила брата принцесса и легко поцеловала в щеку. – Судя по тому, что ты лишь частично мокрый, все прошло удачно.

– Именно, – согласился загоревший дочерна принц-пират и оскалил в улыбке белые зубы, гордясь своим искусством моряка. Рука Элии, нежная и хрупкая, покоилась в его смуглой руке. – Моя «Королева океана» установила новый рекорд!

– В этом можно было не сомневаться, – согласилась Элия к вящему удовольствию брата и очень вовремя убрала руку.

– Проблемы? – с ходу выпалил возникший в коридоре Нрэн, продолжая застегивать на медные пуговицы темно-коричневый камзол, подозрительно принохиваться и оглядывать помещение чуть прищуренными желтыми глазами. Воин вынюхивал не столько опасность, сколько запахи посторонних мужчин в том месте, куда его прежде не допускали. Элия никогда не приглашала кузена-любownika на Олонеэ, мотивируя свой отказ очень просто: «Ты не умеешь веселиться от души и развлекаться. В Измиане для воина нет подходящих забав». Тяжелый, длинный, настолько, что человек среднего роста смог бы носить его лишь в ножнах на спине, меч на поясе бога ясно показывал, сторонником какого рода забав являлся принц Нрэн.

⁵ Сын Моувэлля, брата Лимбера, бог мафии, чьему влиянию подвластно немало Уровней. На него работают принцы Ноут и Ментор. Божественное призвание Тэодера до сих пор остается тайной для большинства родственников.

Прямые светлые волосы бога, собранные в странную прическу, были влажны, как и у Кэлберта, а вся одежда подозрительно свежа и чиста. Только несколько мелких пятнышек крови сохранилось на шее. Но поскольку склонностей к моряцкому или, упаси Творец, противоправному пиратскому промыслу за Нрэном никогда не водилось, Элия решила, что побеспокоила кузена прямо в разгар очередной гениальной завоевательной кампании, возможно, вытащила пряником с поля боя.

– Проблемы? – задумчиво переспросила Элия кузена, разглядывая его новую прическу – обычный длинный хвост с новшеством в виде двух прядей, приспущенных с висков на грудь, и философски согласилась: – Не исключено. Но важные новости – точно.

Не вдаваясь в дальнейшие объяснения, богиня кивнула в сторону читальни, рекомендуя братьям присоединиться к родственникам. Воитель кивнул, бросил истосковавшийся взгляд на обнаженную спину любимой и резко отвернулся, борясь с первобытным искушением схватить богиню и утащить ее куда-нибудь далеко-далеко, чтобы ни один родственник не смог их отыскать.

Последними через несколько минут после ухода Нрэна и Кэлберта возникли Энтиор и Мелиор. Как всегда изящные, элегантные, разряженные в длинные камзолы, застегивающиеся на цепочки, и чуточку недовольные тем, что срочный вызов не дал им придать своему облику совершенный вид. Самый придирчивый модник не нашел бы у этих двух франтов, верно следующих последней моде Лоуланда, ими же и установленной, ни одного малого недостатка, но сами боги считали, что даже совершенство нуждается в совершенствовании, и их страсть к доведению своего облика до идеала граничила с манией.

– Драгоценнейшая! Стради! Прекрасный вечер! Воистину любой вечер в твоём обществе прекрасен! – Мелиор и Энтиор отвесили сестре по элегантному поклону – модные цепочки на камзолах – самый свежий декоративный элемент – едва слышно зазвенели, после чего братья были допущены к ручке, на которой запечатлели по приветственному поцелую. Мелиор – на внешней стороне ладони, Энтиор, по вампирской традиции чуточку выпустив клыки – на внутренней стороне запястья.

– Прекрасный вечер, – ответила принцесса, придав своему тону больше официальности, нежели сердечности, и показывая, как недовольна тем, что принцы не поспешили откликнуться на зов. – Проходите, вы последние, братья.

– Чудесно, значит, нам никого не придется ждать, – промурлыкал Мелиор.

– Но если свободными остались только стулья, не взыщите, – лукаво подколола неторопливого брата-сибарита принцесса, проходя в комнату, гудящую от болтовни мужчин и раскатов смеха, словно гнездо гигантских шершней.

Мелиор забеспокоился и чуть-чуть ускорил движение в сторону читальни, дабы убедиться, что достойное место для его великолепного тела все-таки сыщется и мстительная Элия всего лишь разыгрывает брата.

Свободные места действительно нашлись в избытке, несмотря на то что многочисленные члены королевской семьи заполнили читальню. Тэодер, Ментор и Ноут, как всегда, заняли самый отдаленный и темный угол, из которого, однако, прекрасно просматривалась вся комната; Элтон и Кэлер расположились у большого стола с закусками. Кэлберт присоединился к братьям. Нрэн сел в единственное кресло с высокой спинкой подальше от каминов. Лейм, напротив, придвинул свое кресло поближе к огню, а Мелиор и Энтиор выбрали наиболее выгодное с точки зрения привлечения внимания окружающих место – в середине комнаты.

Глава 3

Семейный совет

– Так, значит, в каком-то смысле старинные пророчества сбылись?

– Конечно! Почему бы им не сбыться? Ты, надеюсь, не утратил веры в пророчества оттого, что сам помогал их осуществлять?

Д. Р. Р. Толкиен. Хоббит, или Туда и обратно

– А как по-твоему, что вообще затевается?

– Что-то жуткое в вагнеровском духе, – сказала я, – с морем крови, громами и гибелью для нас всех.

– А, как всегда, – отвечал Люк.

– Именно, – отозвалась я.

Р. Желязны. Кстати о шнурке

– Папа, а ты меня любишь?

– Любовь, ненависть – какая разница? Мы же родственники.

Сериал «Счастливы вместе»

Удобно расположившись в кресле, сбереженном для нее Джем, Элия дождалась относительной тишины и сказала:

– Братья, спасибо, что явились. Начинаем совет.

– Мы не будем ждать отца? – счел нужным уточнить Кэлер – верный приверженец семейного единства.

– Нет, я не приглашала папу, – спокойно ответила принцесса, и гул голосов разом смолк, все братья ожидали объяснений. Как ни подсмеивались они над королем, но невольное уважение и доверие к его уму и опыту жило в сердцах богов. – Не приглашала по той же причине, по которой сочла необходимым провести совет на Олонеце, а не созывать вас в Лоуленд. Отец, как Хранитель Узла и король, так же как наш Мир Узла, находятся под излишне пристальным наблюдением самых разных сущностей и созданий, в том числе Сил. Тема разговора такова, что я не считаю желательным ее широкое оглашение.

Обожавшие тайны и секреты родственники еще более притихли, почти все, даже отличающийся отменным аппетитом Кэлер, перестали жевать и пить, ожидая продолжения интригующей речи сестры.

– То, о чем я буду рассказывать, частично известно кое-кому из вас, я имею в виду присутствовавших этим летом в Лоуленде во время визита Жиотоважского посольства. Я говорю о Джее, Энтиоре, Мелиоре и Нрэне. Уже тогда я намеревалась собрать Семейный Совет, но отложила его по убедительным причинам.

Мелиор и Энтиор позволили себе несколько таинственных полуулыбок и глубокомысленных, почти синхронных кивков, от которых тщательно уложенные в прическу волосы – светлые прямые интригана и черные локоны вампира – живописно заколыхались. Джей гордо задрал нос, переполненный ощущением своей значимости. Нрэн насторожился.

– Речь пойдет о предсказаниях явления Джокеров, иначе именуемых Тριάдой.

Тишина в зале обрела оттенок недоумения. Боги выгнули брови и по семейной привычке стали потирать подбородки.

– Жиотоважская жрица Ижена – юная девушка, член посольства – изрекла несколько пророчеств, – продолжила богиня. – Свидетелями этого стали члены нашей семьи. Прежде

чем перейти к деталям, я позволю себе процитировать наиболее обтекаемое пророчество. Оно касается непосредственно Триады.

Явления ждут все мироздания Силы,
Тасуется Колода Мира,
Срок близок...
Триада снова вместе, как предрешено,
Сплетает судьбы их веретено,
Суть формируется.
И замысел Творца подходит к завершению,
Да обретут его прямое воплощенье
Джокеры!

Элия сделала небольшую паузу и закончила четверостишьем:

Их хохот сокрушит Вселенных старых суть!
Пусть никогда не будет все, как прежде,
Но этот путь – один лишь путь к надежде
Для всех Миров, существ и Сил – единый путь!

Кэлэр и Ноут, не чуждые ремеслу поэтов, поморщились, молчаливо критикуя дрянную рифму. Впрочем, боги не предъявляли особых претензий, им было известно, что провидческое зрение очень редко совпадает с талантом стихотворца. Никто не приплачивает пророкам за совмещение профессий.

– Поначалу мы не придали словам, изреченным впавшей в транс жрицей из провинциального мирка, особенного значения, – резюмировала Элия, не дожидаясь возмущенного ропота «и из-за этой фигни ты нас собрала?» – Но следом за первым последовали другие пророчества еще более любопытного характера. Если первое весьма стандартно для предсказаний о Джокерах, время от времени всплывающих в мирах и не вызывающих широкого резонанса, то другие интересны тем, что персонифицированы.

Вот теперь в глазах богов появилось настоящее любопытство. Одно дело – очередная рифмованная тягомотина о Джокерах великих и ужасных, которым предстоит потрясти миры, но каким образом потрясти, еще неизвестно, а другое – предсказания, имеющие конкретный смысл. Это может пригодиться. Это можно использовать, и ради этого стоило собираться на семейный совет. Конечно, в любом случае приятно получить от сестры вызов на randevu, но почти любой из братьев предпочел бы общаться с красавицей-богиней тет-а-тет. Так было больше шансов привлечь ее внимание к своим достоинствам.

– У нас есть основания полагать, что пророчества касаются членов нашей семьи, – завершила принцесса. – Что свидетели и адресаты пророчеств совпадают.

Теперь по комнате пронесся нетерпеливый гул. Мужчины напряжились: летописец Элтон почти привстал, Кэлэр, расслабленно развалившийся в кресле, резко подался вперед, оперся локтем на колено и подпер ладонью подбородок, Тэодер, наоборот, полностью скрылся в своем кресле, переплетя пальцы, Рик весь обратился в нюх и слух, Нрэн нервно закусил губу. Кэлберт и Лейм воспринимали происходящее как уникальное волнующее приключение, а Мелиор и Энтиор продолжали самодовольно пыжиться.

– Предлагаю вам убедиться. – Элия сделала небольшую паузу, дала родственникам возможность подготовиться и торжественно процитировала:

Твой клинок – Троим защита,

Сам ты меч в руках умелых,
И троим, что кровь связала,
Посвятишь свою ты силу,
Присягая зову сердца...
Ферзь Колоды! Меч Триады!

Не дожидаясь реакции на первое, богиня тут же продекламировала второе пророчество:

Кости брошены не тобой,
Подтасованы карты давно,
Только выложат их на стол
Лишь тогда, когда суждено.

Шулер ты по природе своей,
Будешь втянут в игру Творца.
У Триады есть Ферзь Мечей,
Роль твоя – козырного Туза.

Авантюры, веселый обман,
И любой под силу замок,
В мире нету таких дверей,
Чтобы ты отворить не смог.

– Нрэн и Джей, – опередив всех, нетерпеливо выпалил заинтригованный Рик, огласив общую догадку, логично вытекающую из столь яркого описания особенностей и талантов богов. – Адресаты очевидны!

– Я удивлен, – сердито обронил Нрэн, демонстративно скрестив руки на груди. – Неужели вы поверите в бредни полоумной девчонки, пытавшейся избежать порки за шалости и нагородившей с перепугу Творец знает что.

– Только он-то и знает, – улыбнулась богиня.

– Но я Ижену не порол, – возмутился Джей.

– Идиот, девчонка влюбилась в тебя, как течная сучка, и, пытаясь привлечь внимание, разыгрывала припадки, – остался при своем мнении неумолимый воитель. Однако то, что он умудрился заметить в поведении девушки, встреченной всего пару раз, явные признаки ее отношения к Джею, в очередной раз удивило принцессу Элию. Проницательность Нрэна не стоило недооценивать, вот только его прозорливость буксовала перед упрямством бога войны, не желавшего признавать истинности ненавистных ему гаданий.

Джей возмущенно зашипел и хотел кинуться на Нрэна, чтобы отстоять свое мнение кулаками, но Рик и Элия вцепились в брата с двух сторон, почти повисли на нем и помешали совершить самоубийство.

Рыжий продолжал сдерживать друга, цедившего сквозь зубы страшные проклятия, пока принцесса холодно и со спокойной деловитостью говорила:

– Первое пророчество было оглашено в моем присутствии, засвидетельствовать его точность могут Энтиор и Мелиор. – Боги прокомментировали слова сестры самодовольными кивками. – Я абсолютно уверена в том, что жрица Ижена впадала в пророческий транс. Все признаки: изменение интонаций, отсутствие мимических реакций, неподвижность взгляда и общая слабость после транса, а также изменение в поле силы проявлялись четко. Свидетелем второго пророчества были Джей и Бэль. Если вы не доверяете словам брата, можно попопро-

вать расспросить сестренку. Впрочем, я сомневаюсь, что в ее памяти остался четкий отпечаток столь опасного свойства.

– Только Бэль в это вмешивать не хватало, – сердито пробурчал не сдавшийся, но смирившийся с тем, что родичи воспринимают пророчества всерьез и собираются их обсуждать, Нрэн. На сей раз ему никто не возразил. Взрослые игры, тем более игры с могущественными пророчествами, не для детей, чем меньше узнает Мирабэль, тем спокойней будет ее родственникам.

– И третье, изреченное Джею пророчество, мы, то есть я, Энтиор и Мелиор, видели и слышали, просматривая записи на нитях в шкатулке Мирахиля, сотворенной для наблюдения за посольством, – закончила Элия под синхронные кивки свидетелей. – Правда, убедившись в правоте Джея, мы перестраховались и стерли запись. Доказательств не сохранилось. Но не думаете же вы, родичи, что я мистифицирую вас, выдумав историю о пророчествах и взяв в соучастники братьев?

Вопрос был чисто риторическим, поэтому отвечать на него никто не спешил. Элия могла провоцировать родственников своей красотой, иронизировать и осыпать колкими шутками, но в масштабные розыгрыши – конек Джея и Рика – почти никогда не ввязывалась. Гораздо важнее вынесения вотума недоверия была сейчас необходимость оценить значение предсказаний и их последствия. Богиня молчала, давая братьям возможность переварить рассказ.

– А где сейчас жрица Ижена? – осведомился Элтон, прихватив со столика горсть хрустящих корзиночек с острым паштетом.

– В Жиотоваже, исправно служит Кристаллу Авитрегона Великому и Благостному. Новых пророчеств, касающихся Джокеров, девушка не делала. Наблюдение за ней ведется весьма тщательное. Агенты Лоуланда приглядывают за храмом, кроме того, Рикардо по поручению отца установил на храме защиту, – отчиталась Элия. – Но мне кажется, Ижена уже отработанный вариант. То, что было суждено, ее уста изрекли.

– Значит, отец знает о пророчествах? – уточнил Кэлер, вновь откинувшись в кресле.

– Нет, защита для храма была обещана Жиотоважу королем Лимбером как жест доброй воли, – вежливо пояснила принцесса под недоверчивое хмыканье родственников, склонных считать, что словосочетание «жест доброй воли» для его величества не более чем пустой звук, Впрочем, как и для всех них. – Кроме того, это стало компенсацией за неприятный инцидент.

Джей покосился на сестру: уж не вздумала ли она рассказать всем старинную историю о краже Кристалла⁶. Но Элия заговорила о другом, малоизвестном среди родственников происшествии:

– Играя с купленной для Мирабэль шкатулкой Себара, созданной мастером для отвергнувшей его женщины, Ижена активизировала ловушку в Межуровнье, и ее душа угодила в Бездну. При тактильном контакте со жрицей туда отправилась душа еще одного члена посольства. Следуя указаниям Связиста, Джей, герцог Лиенский – приятель того самого посла, и глава посольства Высший вар Монистэль смогли спасти жертв заклинания. Но глава посольства погиб.

Теперь принцы закивали, уразумев, как им казалось, причину, по которой король Лимбер гарантировал Жиотоважу защиту: элементарное опасение скандала и немилости Сил Мира. Элия, не солгав ни единым словом, ловко обошла настоящие мотивы поступка его величества, степень вины Джея и произвела нужное ей впечатление.

– Если бы не ты, сестра, мы погибли бы все, – нехотя буркнул Джей: признаваться в том, что тебя в очередной раз спасла женщина, для самолюбивого принца было тяжеловато, но и

⁶ Лоулэнд принял посольство из провинциального мира Жиотоваж только потому, что некогда принц Джей, выполняя задание Источника, заодно изнасиловал жрицу храма Кристалла. Опасаясь, что сведения об этом происшествии могли выплыть на свет, король решил выслушать требования посланников. Но оказалось, что они желали лишь оградить свой мир от вторжения завоевателей и просили защиты.

приписывать себе заслуги богини он тоже не желал. – Кто, как не ты, тянула наши души из Бездны, когда оборвалась связь?

Принцесса только небрежно махнула рукой, показывая, что это сейчас неважно, а Элтон, закрывая вопрос, почти потребовал:

– Обязательно расскажите обо всем поподробнее. Такое приключение достойно почетного места в семейных хрониках.

– Элия, а как ты думаешь, выражения о колоде, ферзе и тузе носят чисто риторический характер? – потирая подбородок, уточнил дотошный Лейм, уже слышавший историю спасения жрицы из уст самого герцога Лиенского.

– Хороший вопрос, милый, – одобрительно кивнула принцесса. – И очень своевременный. Мы немного уклонились в сторону от основного русла беседы. Но на него лучше меня ответит Джей.

– Да уж, кого спрашивать о картах, как не его, – добродушно подтвердил Кэлер, чуть подтрунивая над братом.

Бросив на скептика Нрэна презрительный взгляд, принц с энтузиазмом заговорил, поблагодарив Элию быстрой улыбкой:

– Мне известно о существовании только одного пасьянса, в котором присутствует Ферзь. Это Пасьянс Джокеров, иначе называемый Игра Творца. Его автором был чокнутый Либастьян.

– Безумец Либастьян? – переспросил Элтон, по долгу летописца Мира Узла неплохо знавший историю своего Уровня и его пусть даже самых экзотичных и эксцентричных знаменитостей.

– Он самый. Знаменитый бог шулеров и картежников и великий мастер-рисовальщик карт, – согласился Джей, поясняя для не знакомых с именем Либастьяна. – Я когда-то изучал его записи, приобретенные по случаю на распродаже, вернее, обрывки записок, среди которых сохранилось несколько фраз об этом пасьянсе, для которого Либастьян создал собственную великолепную Колоду. Насколько я помню, она состоит из Трех Джокеров, Трех Ферзей, Пяти Тузов и других карт. Я помню еще о Всадниках, но точного их числа не назову.

– Было бы интересно поглядеть на эти бумаги, – пробормотал Элтон, так напряженно вращая извлеченный из-за уха карандаш, словно в мыслях писал хронику Семейного Совета.

– Мне тоже, – печально ухмыльнулся Джей и развел руками. – Но они погибли, сгорели в кабинете моего замка в Лиос-Варге. Выскочил уголек из камина. Любимого эндорского ковра и письменного стола вместе со всем содержимым как не бывало! Подчистую выгорела половина комнаты.

– Очень вовремя, – ядовито заметил недоверчивый Нрэн.

– Вот-вот! Сразу после изречения пророчеств я думала над тем, что изучения одних только записей недостаточно, неплохо было бы собрать Семейный Совет и организовать розыск той самой Колоды Либастьяна, о которой упомянул Джей, – не обращая внимания на скептицизм воителя, сказала сестра.

– Найти карты жившего давным-давно бога? – удивился Кэлберт. – Это реально? Да они, поди, несколько сот лет назад истрепались по кабакам.

– Карты Либастьяна не рвутся, не разбиваются, не горят, не тонут, не пачкаются. Они как настоящие картины на пластинах из кости, – с профессиональной гордостью заверил брата Джей, и сам увлеченно рисовавший карты для удовольствия.

– Да. Мы хотели найти карты безумного Либастьяна, чтобы узнать побольше о Колоде, поскольку есть все основания полагать, что именно ее имела в виду в своих пророчествах Ижена. Мелиор расспросил бы коллекционеров, Джей и Рик облазили бы базары. Но пожар поменял наши планы: просто так огонь в доме бога не вспыхнет. Зато мы убедились в истинности своих предположений. Только никаких доказательств, чтобы склонить на свою сторону

скептиков, вроде Нрэна, на руках не осталось. Поэтому Семейный Совет было решено отложить до лучших времен.

– Но ты созвала нас сейчас, – тихо заметил из своего угла Тэодер.

– Время пришло. Джей, покажи вашу с Риком находку, – мягко попросила Элия.

Принц открыл ларчик, извлек из него пластину-картинку, встал и с торжественным поклоном, словно драгоценность, передал сестре. Элия продемонстрировала богам рубашку карты с игральными костями, розой и колпаком, а потом перевернула стороной с изображением Туза Лжи и Авантюра, имевшим более чем очевидное сходство с принцем Джеем. Почитальне пронесся изумленный вздох. Интересно слышать пересказ пророчеств из уст сестры, но лично созерцать их физическое доказательство, тут богиня оказалась права – совсем другое дело. Живое подтверждение пророчества оказалось перед глазами потрясенных родственников. Принцесса передала карту Кэлери, и костяная пластина пошла по кругу.

– Это и есть карта Либастьяна? – спросил Кэлер. Он, Элтон и Кэлберт придвинули поближе кресла и склонились над пластинкой, разглядывая и ощупывая ее.

– Да, работа мастера весьма характерна, – подтвердил Джей, чувствуя, что настал его звездный час.

– Значит, легко подделать, – презрительно фыркнул Нрэн, скривив губы.

– Ощущение силы и времени не подделаешь, – покачал головой Мелиор, с благоговением осматривая карту и едва касаясь рисунка подушечками холеных пальцев. Так нежно, как бесценные экспонаты своих великих коллекций, принц никогда не ласкал даже женщин. – Это подлинник. Я свидетельствую.

Подтверждение из уст бога коллекционеров, обладавшего безупречным талантом отличать подделки и оценивать подлинность произведений искусства, сделало свое дело. Последние сомнения родственников рассеялись. Теперь каждому хотелось подержать в руках карту Либастьяна – живое доказательство того, что Джей, а значит и вся семья, имеет отношение к легендарным Джокерам.

– Интересно, как толкуется рисунок на рубашке? Игральные кости, стоящие на ребре – обычный атрибут Сил Случая и Удачи, шутовской колпак – аллегория шутки, а значит, и Джокеров, но розы? При чем здесь розы? – призадумался философ Мелиор, передвинув карту Энтиору.

– Может быть, при том, что часть Колоды Джокеров собрана в Лоуленде, а один из символов нашего мира – роза, к тому же роза – символ бесконечной множественности миров на многих Уровнях, – высказала свое мнение Элия, не менее Мелиора увлекшаяся разгадыванием символики.

– Большинство? Пока мы видели только карту Джея. Или в ларце полная Колода? – снова поинтересовался скептик Нрэн, с показной небрежностью глянув на карту, и тут же брезгливо, но метко перебросил ее Лейму. Юный бог благоговейно подхватил костяную пластину – свидетельство сопричастности члена семьи к величайшей тайне Мироздания и Творца – Джокерам.

– Если бы так, – отвечая кузену Нрэну, не без сожаления и чуточку мечтательно вздохнула Элия. – Но все-таки мы уже знаем о трех членах Колоды! Джей – Туз Лжи и Авантюра, ты – Ферзь Войны. Не смей отпираться, упрямец, – погрозила великому богу пальцем его престестная сестра, вооруженная лишь сногшибательным обаянием женственности, и гениальный воитель, повергающий к своим стопам миры, покорно заткнулся, а Элия заключила: – Если Ижена сказала правду о Джее, то и о тебе она не солгала!

– А кто третий? – бережно передав пластинку Тэодеру, перебил сестру Лейм и виновато моргнул.

– Вот еще одна карта. – Не делая больше драматических пауз, богиня достала из ларчика вторую тонкую пластинку-миниатюру.

– Да поглотят меня Мэслендские Топи, если это не Рик! – пораженно выпалил Элтон и в порыве чувств сломал ни в чем не повинный карандаш. Отбросив его обломки, летописец вытащил из-за другого уха ручку и принялся вращать ее в пальцах с новой энергией и такой силой, будто надеялся добыть огонь для розжига еще одного камина.

– Он самый! – подтвердил Кэлер, сделав глоток вина из так и оставшегося полным с начала Совета бокала.

– Всадник Торговец? – нахмурившись, прочел Кэлберт. – А почему не Всадник Маг?

– Чего ты на меня смотришь? – огрызнулся Рикардо, в который раз за сегодняшний день принимаясь тереть виски. – Не я картинки рисовал, а чокнутый Либастьян! Откуда мне знать, почему безумный картежник не начертал другого названия карты, отражающего все таланты моей многогранной натуры?⁷ Может, места не хватило? Или мой портрет под другим названием красуется еще на пяти-шести картах?

Кэлер, Элтон и Джей заухмылялись остроумной отповеди рыжего сплетника.

Заполучив карту Рика, Мелиор протестировал ее с помощью тактильного чутья и, все еще пребывая в отрешенном состоянии распознавания, вновь подтвердил:

– И это тоже подлинник работы Либастьяна. У меня нет сомнений.

Рик не удержался и злорадно показал Нрэну язык. Две карты пошли по комнате, передаваясь из рук в руки. Кто с усмешкой, кто задумчиво или с толикой недоверия, но все одинаково внимательно рассматривали древние пластинки, сохранившие первозданно-сочную яркость красок. Пластинки, на которых были изображены их братья. Безумец или нет, но Либастьян гениально уловил суть божественной натуры никогда не виданных им наяву мужчин: жестокую веселость и азарт в глазах Джея, любопытство и хитринку в легкой улыбке Рика.

Кэлберт, заполучив в руки карту Всадника и вскользь полюбовавшись на знакомую физиономию брата, особо пристально изучил рубашку пластины и орнамент, обрамляющий портрет принца. А потом, оглядев читальню, глотнул для уверенности вина и откашлялся, привлекая внимание. Не так давно вошедший в семью пират все еще продолжал испытывать стеснение, становясь центром внимания родственников, время от времени, хотя и все реже, его посещали глупые мысли о собственной заурядности. Впрочем, изгоем из-за своего «грязного пиратского прошлого», как он более всего опасался, бог не стал, ибо очень быстро понял: цивилизованное общество Лоуланда отличается от братства пиратов только тем, что своими противоправными подвигами мужчины хвастаются не на каждом углу, а лишь в избранной компании.

Услышав кашель Кэлберта, спаситель Кэлер недолго думая съездил брата по спине, решив вышибить кусок или жидкость, попавшие не в то горло. А иначе с чего быдохать? Но вместо этого увесистый кулак принца выбил из пирата остатки дури. Перестав дожидаться особого приглашения к выступлению и одобрительных аплодисментов, Кэлберт спросил, чуть выгнув смоляную бровь:

– Мелиор, Джей, а Либастьян на всех своих картах делал одинаковую рубашку?

– Ты чего, с мачты рухнул и об палубу головой долбанулся? – непосредственно удивился вор и картежник, слегка перебравший экзотического зелена вина. – Конечно нет! У каждой колоды Либастьяна, как и у любого уважающего себя мастера-рисовальщика, особый узор. Копирование рубашки – удел простофили ремесленника, а для настоящего мастера вторично использовать собственный узор или украсть его у другого мастера – неслыханный позор и бесславный конец карьеры!

⁷ Рикардо обладал божественными талантами к коммерции, магии, был богом информации и покровительствовал виноделию. Другие члены королевской семьи тоже имели дарования в нескольких божественных сферах. Но почти ни у кого они не являлись столь различными и крупными одновременно.

– Почему тебя это интересует? – Мелиор мигом уловил, к чему клонит пират, и ленивая дымка в голубых глазах бога слегка поредела.

– Есть у меня одна любопытная штуковина, я ее при abordage судна бродячих купцов в сборнике атласов нашел, да так закладкой и оставил, – принялся объяснять Кэлберт, поигрывая золотым кольцом в ухе. – Рубашка и узорец по краю точь-в-точь как здесь, только картинки никакой нет, а вместо нее одна чернота.

– Доставь свою находку сюда, – попросила Элия, и пират, чуть насупив брови для пушшего сосредоточения, сплел заклятие притяжения вещи. Через минуту с высоты в полметра на руки богу упал здоровенный толстый фолиант.

Кэлберт крикнул от неожиданности (высоту для переноса предмета опять не получилось рассчитать безупречно!) и, раскрыв старинный атлас с магическими картами Океана Миров, изменяющимися одновременно с малейшими реальными трансформациями ландшафта в мире физическом, вытащил из него пластинку уже знакомого размера и оформления. Пират оказался прав, вместо рисунка на поверхности карты была лишь чернота.

– Может, подделка какая? – почесал в затылке Кэлер, повертев таинственную карту в руках.

– Дайте ее мне, – настойчиво потребовал Мелиор и, едва взяв пластину, покачал головой: – Нет, это не фальсификация. Я могу ручаться за подлинность работы Либастьяна. – Принц чуть подумал и довольно кивнул самому себе: – Есть все основания утверждать, что это произведение принадлежит к той же колоде, что и первые две карты.

– Но почему она черная? – поставил вопрос ребром Рик. Принц слегка ревновал к успеху находки Кэлберта, несколько затмившей его собственные достижения.

– Кто знает, – несколько манерно закатил глаза Мелиор. – Художники часто пишут странные картины. Чрезвычайно странные.

– Но не настолько же они того, – Элтон пошевелил в воздухе пока еще целой ручкой, – чтобы черные фигуры рисовать?

– Ты не знаешь художников, брат, – растянув губы в снисходительной улыбке, заверил принца Мелиор. – Порой их работы настолько бессмысленны для всех, кроме них самих, что остается только удивляться. И черные фигуры еще не самое бессмысленное из творений. Если художник знаменит и его славное имя гремит в мирах, коллекционер купит любую работу, а ценители творчества отыщут смысл в самой нелепой мазне.

– Цель которой одна – зашибить денег, – хохотнул Кэлер, прекрасно понимавший потребности жившей на широкую ногу творческой братии в звонкой монете.

– Но зачем Либастьяну черная карта? – поразился Лейм, педантично изучив непроницаемо черное пятно на пластине, просмотрев ее на свет естественного пламени и магического огонька, вызванного для проверки. – Он же рисовал Колоду для Пасьянса Джокеров не на продажу!

– Может быть, он не мог увидеть лица той карты, которую должен был изобразить? – предположила Элия.

– Или ее не видим мы, – проницательно заметил Энтиор и не без высокомерия пояснил свою мысль озадаченным родственникам: – В мирах немало существ, которые становятся доступными для посторонних взоров только тогда, когда они сами этого хотят. Почему бы не допустить, что и изображение такого создания, сотворенное гениальным художником, будет обладать талантами оригинала?

– Возможно, мы неправильно смотрим, – все-таки не оставил мысли о необходимости подбора правильных средств для проявления изображения Лейм. С просвечиванием бог потерпел неудачу, но сейчас его мозг, взяв за основу науку фотографии, интенсивно генерировал технические идеи относительно подбора различных искусственных сред для погружения пластины.

– Я понял!!! – воскликнул Джей, все это время усиленно ерошивший свою светлую шевелюру и доведший прическу до критического состояния «а-ля клубок маленьких, но очень рассерженных змей». Принц вскочил с кресла и беспорядочно забегал по комнате, почти крича: – Это все кулон-переводчик! Дело в ошибке воспроизведения текста! В записках Либастьяна было что-то, что я тогда перевел как «тьма и неясность в картах», а на самом деле это название – Теневая Карта! Она или они должны быть в Колоде!

– Прекрасно! – провозгласил Мелиор, с неестественной для себя поспешностью убирая ноги с траектории беспорядочных метаний Джея и от всей души надеясь, что его одобрение поспособствует прекращению движения брата.

– Что о ней написано у Либастьяна? – спросил Элтон.

– Ничего, этого обрывка у меня как раз не было, – сердито признался бог воров, картинно разведя руками.

Тем временем Элия забрала у Рика Теневую Карту, и глаза богини изумленно расширились. Но никто не заметил этого, братья увлеченно следили за гастролями Джея, надеясь, что он вспомнит еще что-нибудь интересное. Элия улыбнулась уголком рта и потихоньку телепортировала карту Тэодеру. Таинственный брат едва коснулся пластины и поднял взгляд на сестру. Серые глаза мужчины и женщины встретились, и Тэодер уяснил: сестра, как и он сам, видела не черное пятно, а того, кто был нарисован на Теневой Карте.

Мужчина и женщина обменялись мысленным посланием: «Мы видели, мы поняли, но пока промолчим. Так лучше!» – и прервали контакт. Элия пригубила вина и с усмешкой стала наблюдать за метаниями возбужденного Джея, а невозмутимый Тэодер передал темную пластину в руки Ноута и Ментора.

– Теперь у нас три карты из Колоды Джокеров Либастьяна, – подытожил Элтон, одной рукой раскручивая и вновь свинчивая ручку, а второй отправляя в рот маленькие бутерброды, казавшиеся совсем микроскопическим в пальцах двухметрового мужчины.

– Если больше никто не позабыл о завалявшейся среди прочего барахла картинке, – уточнил Рик и обвел семейство наигранно-подозрительным взглядом из разряда присущих Энтиору-дознавателю, словно считал, что у каждого из братьев в запасе имеется по десятку колод безумного художника и вне подозрений находится лишь сознавшийся добровольно Кэлберт.

– Позабыл – вспомнит, прочистим память, – зловещим шепотом пообещала Элия и потом заговорила серьезно: – У нас есть пророчества, есть вещественные доказательства их истинности, а значит, и свидетельство причастности семьи к величайшей тайне миров. Настало время подумать, что будем делать дальше, братья.

– Конкретные пророчества, касающиеся Джокеров, столь же интересны, сколь опасны, – раздумчиво протянул Мелиор, прищелкнув длинными пальцами. – Мы говорили об этом и прежде, дорогая. Иногда самое безопасное – не делать ничего.

– Мы говорили и о том, что неведение не будет гарантией безопасности, – строго заметила Элия. – Поэтому я созвала Семейный Совет. Пора решать окончательно: стоит ли нам искать информацию о Джокерах и Колоде, или нужно забыть о том, что я вам рассказала, и понадеяться, что больше никто не пророняет об этом и беда обойдет стороной.

– Я за поиск! – решительно высказался Кэлберт, хлопнув ладонью по колену. – Только не понимаю, какие беды ты нам пророчишь, сестра?

– Жизнь среди пиратов разбаловала тебя, брат, – иронично улыбнулась богиня. – В мирах всегда были и всегда будут те, кто стремится к власти, и чем больше власти, тем нестерпимей жажда обладания ею, тем горше зависть и крепче ненависть к тому, кто этой властью наделен. Триаде Джокеров предсказана почти абсолютная, немыслимая прежде власть над Вселенной. Существа из плоти, подотчетные только Творцу. Мечта карьериста! Ради этой мечты можно залить кровью не один Уровень. Но как подобраться к этим могущественным существам, о чьем сошествии вопят пророки вот уже несколько тысяч лет подряд? Если станет известно о

Колоде, то те, кто, как мы знаем, входит в нее, да и остальные родственники, окажутся в опасности. Мы станем объектами и средством шантажа или просто удобной целью для вымещения злобы, рожденной нереализованными амбициями. Поэтому, Кэлберт, семья должна решить, стоит ли нам рисковать и начинать самостоятельный поиск членов Колоды, а может, и самих Джокеров, или нет.

– Но не станут ли ловушкой для нас слишком активные поиски? – задался вопросом Мелиор, меланхолически любуясь крупным голубым бриллиантом в перстне на безымянном пальце.

– Да, это может послужить своего рода сигналом для тех, кого мы остерегаемся, – присоединился к мнению брата Энтиор, он мыслил с точки зрения бога охоты и в данном случае был солидарен с покровителем интриг.

– Значит, надо искать осторожно, – вполголоса заметил из своего угла тихоня Тэодер, который сидел, сцепив пальцы.

– Но все-таки искать! – воскликнул Джей.

Он и Рик – братья-проныры – всей душой стояли за поиски, но осуществлять их с одобрения и при поддержке семьи было бы куда удобнее, нежели тайком. Пока еще сладкая парочка не буйствовала, настаивая на своей точке зрения, не била с пламенной жестикуляцией в грудь (свою и чужую) только потому, что на их стороне была Элия. Богиню любви и логики, поддерживающую идею поисков, братья сочли достаточно мощным средством воздействия на семью, чтобы сдержать пыл и попробовать добиться своего непривычным дипломатическим путем.

– Сядь ты, чего носишься, как ошпаренный, – добродушно упрекнул вора Кэлер. – В глазах мельтешит. Думать мешаешь.

– А что или кого вы собираетесь разыскивать? – с презрительной недоверчивостью уточнил педант Нрэн.

– Членов Колоды Творца, разумеется! – фыркнул Джей, вняв просьбе брата, и наконец снова уселся в кресло рядом с Элией.

– Устроите охоту за пророками? – снова презрительно фыркнул принц.

– Нет, вот это действительно привлечет ненужное внимание, – возразила богиня. – Истинный Глас Творца всегда под наблюдением Сил, и настоящие пророчества вызывают колебания структуры Нитей Мироздания. Наилучшей возможностью для реализации нашей идеи будет розыск Колоды Либастьяна, – констатировала принцесса.

– Но карты тоже имеют неслабый магический фон, – заметил Рик, поделившись опытом. – Когда я открыл ларчик, меня прямо обожгло силой.

– Сейчас их излучение не столь велико, чтобы служить магическим маяком для неуместного внимания, к тому же я не зря выбрала местом сбора Олоне. Ночь костров в Измиане полна колдовства, и лишняя толика магии, излучаемой моим особняком, не будет выглядеть подозрительно, – возразила предусмотрительная Элия. – К тому же ларчик сконструирован так, что полностью блокирует излучение.

– Но пока у нас только три карты, кузина, – вмешался Лейм. – А если допустить, что с увеличением числа найденных карт их совокупное излучение будет расти?

– Я допускаю это, – согласилась принцесса. – Но если мы будем складывать свои находки в ларец, то проблема блокирования излучения решится сама собой. Места там вполне достаточно. Надо только расположить ларец в точке высокой концентрации магической энергии, чтобы даже краткий момент открытия крышки не вызывал подозрений.

– Куда именно? – уточнил Нрэн, как всегда, преисполненный худших подозрений. При чем, как правило, подозрения воителя имели нехорошее обыкновение оправдываться, а недобрые предчувствия – сбываться.

– Предлагаю Лоуленд. Замковое Хранилище магического вооружения, – лукаво улыбнулась богиня ошарашенному таким поворотом воителю. – Нам не найти лучшего стража для Колоды, чем ее Ферзь.

– Разве я согласился? – нахмурился Нрэн, скрестив руки. И без того каменная физиономия бога стала просто монументальной. Воителю не нравилось, когда им манипулировали, даже если это делала Элия. К тому же у Элии это всегда получалось лучше всего.

– Имея в своем распоряжении Колоду, мы сможем созвать и объединить в единое целое могущественных существ. Если Ферзей три, а один из них ты – Нрэн, величайший воитель Мира Узла, – то и два других будут не слабее. Что уж говорить о самих Джокерах? – Элия даже зажмурилась от такой умопомрачительной перспективы, а воитель ревниво засопел, загодя увидев в мифической Триаде соперников в борьбе за сердце принцессы. – Я лично считаю, что бездействие не выход, а вот знание часто является не только оружием, но и защитой, – закончила принцесса.

– Мне нравится эта идея, сестра, – честно высказался Кэлер, приняв доводы Элии, и тут же спросил: – Какая помощь нужна от меня?

– Присоединяюсь, – заверил Элтон, пережевывая последний оставшийся на столе кусок колбасы.

Кэлберт подтвердил свое прежнее согласие энергичным кивком.

– Наши ничтожные силы в твоем распоряжении, дорогая, – тихо и очень спокойно сказал Тэодер, решив, как всегда, за себя, Ноута и Ментора одновременно.

– Конечно, надо искать! – улыбнулся Лейм, поддерживая инициативу сестры. Юному богу была интересна идея поиска Колоды, и единственное, о чем он сейчас жалел, это о том, что рядом нет Элегора – верного друга и товарища в странствиях.

– Мы не возражаем, – снисходительно согласились Мелиор и Энтиор, разведя в изящных жестах руки таким образом, чтобы показать безупречный маникюр на холеных пальцах и пышное кружево манжет на тонких рубашках.

– Я с семьей, – сдаваясь, резко ответил Нрэн. Пусть ему и не нравилась затея Элии, но бог решил, что должен же в ней участвовать хоть один здравомыслящий мужчина. Как ни крути, но кухня права, лучшего хранителя для опасной вещи родственникам не найти.

– А мы уже начали поиск! – радостно оскалились Джей и Рик, чванливо указав на ларчик, из которого достали карты.

– Тогда обсудим, как именно его лучше продолжить, – предложила богиня. И ее призыв не встретил возражений.

– Для начала неплохо было бы узнать, где и каким образом вы раздобыли эти карты, – обратился к рыжему магу Мелиор, заполучив для изучения ларец и внимательно рассматривая отполированное темное дерево, скользя пальцами по его выпуклым красновато-золотистым прожилкам.

– Они из лавки «Сказки матушки Рансэни», – признался Рик. – Нам их отдали совершенно безвозмездно как компенсацию за ловушку Себара, едва не стоившую Лоуленду межмирового конфликта. Шкатулку с его заклятием Бэль отыскала в «Сказках».

– О, блуждающая лавочка старой колдуньи, – почти не удивился принц, знакомый со многими странными магазинчиками не только в Лоуленде, но и в других мирах. Для истинного коллекционера было делом чести обладать полной информацией о тех местах, где имелся неплохой шанс пополнить коллекцию. В голосе бога при воспоминании о «Сказках матушки Рансэни» появилась нотка ностальгии, именно там он приобретал самые первые экспонаты для своей великой коллекции.

– Ведьма сказала, что ее агент недавно купил вещицу в Сиратоне вместе с зажигалкой, вышитыми платками и часами, – встрял Джей, слегка пофыркивая от возмущения: «Почему

Мелиор не спросил его? Ведь лавку-то нашел именно он, Джей, пусть шкатулку и обнаружил Рик». – Но, как она угодила туда, старуха не знает.

– Сиратонский помост хранит свои тайны, – согласился Мелиор и самодовольно добавил, проведя указательным пальцем по краю нижней губы: – Но не ото всех. Думаю, мы можем попробовать кое-что разузнать.

– Я думал, на Сиратонском аукционе лоты выставляют анонимно, – вставил Рик, подозрительно прищурившись.

– Так оно и есть, – охотно согласился Мелиор, поигрывая цепочкой-застежкой на камзоле, – но, – принц позволил легкой, донельзя самодовольной улыбке вновь появиться на своих губах, – возможно, у меня получится разузнать некоторые подробности, недоступные большинству покупателей. Руководство аукциона – чрезвычайно предусмотрительные, разумные люди, понимающие, что к особым клиентам нужны особый подход и тонкое обращение. Я подразумеваю оказание некоторых услуг, не распространяющихся на широкую аудиторию.

– А ты – клиент особый, – догадался Джей, с фантастической ловкостью и быстротой жонглируя фисташками, взятыми из фарфоровой вазочки.

– Правильно. Я поражен твоими способностями к умозаключениям, брат, уж не претендуешь ли ты на звание бога логики? – съехидничал коллекционер, глядя на родственника сквозь бокал белого с золотыми шариками неведомой приправы вина.

– Ничуть, оставим логику Элии, – проявил Джей небывалое великодушие, вызванное, скорее всего, тем, что дело касалось нематериального объекта, и одну за другой послал фисташки в ближайший к креслу Мелиора камин. Орешки ослепительно вспыхнули и громко затрещали, разбрасывая синеватые искры. – Я удовольствуюсь скромным званием бога воровства.

Провозгласив это, Джей развел руки, потом свел их воедино и, разведя вновь, продемонстрировал собравшимся брошь Рика, неизвестно каким образом переключавшую с борта короткого камзола в неуловимые пальцы пронырливого вору. Рыжий бог возмущенно зашипел и кинулся на Джея с негодующим воплем, полным горького разочарования, исторгнутым словно бы из глубин кровоточащего сердца:

– Как ты мог!

– Талант такой! – смущенно пояснил вор под хохот родичей, проворно вскочил и, спрятавшись за кресло Элии в поисках защиты, громко призвал сестру объяснить не блещущему «способностями к умозаключениям» брату божественную необходимость ежечасной, буквально ежеминутной тренировки гибкости рук.

Мелиор ревниво покосился на шутов-братьев, перетянувших одеяло внимания на себя, поморщился, показывая, что не одобряет столь примитивные способы завоевания популярности, и небрежно пошевелил пальцами, сплетая из нитей личной силы заклинание связи. Мелодичная трель – небольшое, собственного изобретения добавление к стандартным чарам – просигнализировала принцу, что контакт установлен. Движением брови бог отрегулировал диапазон действия чар таким образом, чтобы абонент видел лишь обращавшегося к нему Мелиора, но вся семья при этом имела возможность наблюдать за тем, с кем ведет диалог принц.

К тому времени, когда заклинание Мелиора заработало, Джей возвратил рыжему брошь, и братья снова уселись рядышком, как и полагается закадычным друзьям. В знак примирения они даже успели опрокинуть по бокалу вина.

Заклинание показало небольшую светлую комнату с окнами-арками, скорее всего кабинет, где за высокой, антикварного вида конторкой для письма (красное дерево в трещинках лака и инкрустация серебром) стоял пожилой джентльмен с короткостриженными волосами и благообразным лицом. Верхняя одежда вроде тапперта с широким воротом и распашными рукавами из скромного светло-голубого, но явно дорогого бархата не мешала господину рабо-

тять. Одной рукой он без устали щелкал на маленьких костяных счетах, а второй выводил что-то в огромном гроссбухе бисерными значками, изяществу которых позавидовала бы и сама принцесса Элия, славившаяся каллиграфическим почерком. Из всех украшений на джентльмене виднелась только серебряная цепь с медальоном, на котором было выбито изображение весов, планкой их служил молоточек.

– Удачных сделок, дион Джомерик, – вежливо начал разговор Мелиор, но с кресла не поднялся.

– Принц Мелиор. – Пожилой джентльмен мгновенно узнал говорившего, отложил ручку, поклонился и коротко улыбнулся. Видимо, мужчины были неплохо знакомы. – Если я вижу вас, то день воистину должен быть удачным. Не желаете ли осведомиться о новинках? Ваше высочество – лучший клиент аукциона, никогда еще не покидавший Сиратон с пустыми руками.

– Да, но даже я, должен это с прискорбием констатировать, не в силах неустанно находиться у вашего помоста на торгах, дабы определить истинную ценность вещи и ее значение для моей коллекции, – непритворно вздохнул Мелиор. – А агенты, не обладая достаточной информацией, частенько допускают промашки.

Дион Джомерик почесал бровь, подкрашенную в благородный черный цвет, и чуть нахмурился, показывая, что встревожен недовольством принца:

– Я глубоко сожалею, если по вине своих людей или нашему недосмотру ваше высочество пропустили заслуживающий внимания лот, но и наших знаний о выставляемых образцах бывает недостаточно, даже наши оценщики – лучшие в мирах – не всегда могут установить подлинное значение экспоната.

– Я понимаю, – кивнул Мелиор, величаво принимая оправдания. – На сей раз, по счастливой случайности, мне удалось перекупить лот непосредственно в Лоуленде у его нового, более везучего владельца. Но...

– Но? – Достойный Джомерик быстро учуял готовность принца объявить условие, при котором его серебро и дальше будет оседать в карманах услужливого диона.

– Мне хотелось бы знать, из какого источника поступил лот, дабы иметь возможность вести переговоры без посредников, непосредственно с владельцем, – мягко признался Мелиор, сцепив пальцы.

– Позвольте узнать, что именно привлекло внимание вашего высочества? – с облегчением уточнил сиратонец.

– Эта вещица. – Принц небрежно постучал ногтем по крышке ларца с картами Либастьяна. – У меня есть все основания полагать, что владелец выставил на торги лишь один экспонат из своей подборки ароматических ларцов, не понимая истинной ценности полной коллекции и готовности коллекционера заплатить за полный комплект очень хорошую цену.

– В случае успеха я получаю свою обычную долю? – быстро поинтересовался Джомерик, и на секунду всякая благообразность слетела с джентльмена, явив наблюдателям банальную жажду наживы.

– Разумеется, – меланхолично, со скрытым оттенком брезгливости подтвердил Мелиор. Как интригану и коллекционеру ему было выгодно иметь дело с продажными существами, но уважать их он не был обязан. Принц, в совершенстве владевший искусством подкупа, глубоко презирал тех ничтожеств, которые соблазнялись его деньгами, презирал, но продолжал использовать потому, что это было гораздо удобнее, чем иметь дело с честными людьми.

– Вашему высочеству известно примерное время покупки? – деловито уточнил дион, словно измеряя взглядом параметры ларца.

– Один из последних аукционов, совмещенный лот. Кроме интересующего меня предмета выставались часы и вышитые платки, – дал инструкции Мелиор.

Джомерик кивнул, подошел к правой стене кабинета и приложил к непрозрачной створке из цветного стекла свой странный медальон. Что-то щелкнуло, и дион распахнул дверцы. Муж-

чина снял с длинной верхней полки здорового шкафа одну из толстых книг, озаглавленных «Сиратон. 1345 аукцион года. Совмещенные лоты. Галантерея и пр.». Он открыл оглавление, забормотал вполголоса: «Совмещенные лоты, ларец, часы, платки...» – Палец с коротко остриженным ногтем быстро бежал по строчкам, меняющимся прямо на глазах.

– Я нашел, – довольно промолвил Джомерик, распахнув книгу на нужной странице, там светилась объемная магическая картинка, изображавшая знакомый ларец и прочую не имеющую значения мелочовку. – Место покупки – Вальмора, посредник Валькин Грюс, владелец – наследник поместья Бартиндар герцог Элегор Лиенский.

– Другие лоты из Бартиндара выставлялись? – выстрелил вопросом Мелиор, ничем не выдав своего удивления.

Дион пошуршал листами книги, проглядывая ссылки, и перечислил:

– Несколько сервизов, комплект упряжи и коллекция трубок. Ваше высочество интересуют покупатели?

– Нет, благодарю, Джомерик, достаточно, – сохраняя прежнюю маску спокойной заинтересованности перед лицом чужака, снисходительно кивнул Мелиор и отключил заклинание, не дожидаясь, пока дион завершит поклон.

Глава 4

Особое приглашение

Ваша репутация – это то, что шепчут о вас у вас за спиной.
Э. Хоу

Мой дорогой друг, здравый смысл – скучная вещь. Каждый должен быть немного сумасшедшим, с легкими завихрениями, и тогда жизнь покажется в новом свете, в совершенно неожиданном ракурсе...
А. Кристи. Убить легко

Театральная пауза после заявления диона Джомерика тянулась недолго.

– Так! – тяжело и очень недобро обронил Нрэн. Если кто из дворян Лоуланда и пользовался у великого воителя худшей репутацией, чем бесшабашный Элегор, Элии и братьям об этом не было известно.

– Так я и знал, – негодуя скривив губы, прошипел Энтиор, не только не любивший герцога, но и опасавшийся его непредсказуемых выходов. Пальцы вампира изогнулись так, словно готовились сжаться на чьей-то ненавистной шее, он непроизвольно выпустил клыки.

– У нас в семье завелся собственный пророк? – шутливо удивился Кэлер, хлопнул ладонью по колену и рыгнул.

– Что ж ты раньше скрывал, клыкастый братец, аль стеснялся? – подхватил шутку Рик и умильно сложил ладони. Джей прыснул.

– Не надо быть пророком, чтобы с уверенностью предсказать, что герцог Лиенский всегда окажется там, где его меньше всего ждут, дабы причинить как можно больше неприятностей, – процедил вампир, взбив щелчками пальцев пышные манжеты на рукавах. Сей привычный ритуал возвращал богу часть утерянного душевного равновесия.

– Чего вы злитесь? Это же здорово, что хозяин поместья Гор! – вскочив с кресла, возмутился Лейм по праву лучшего друга Элегора и защитника его безвозвратно погибшей еще до рождения репутации. – Мы можем вызвать его и попросить помочь!

– Что-о-о? – Прекрасные бирюзовые очи Энтиора, полные арктического холода, расширились от изумленного негодования. – Ты в своем уме, малыш? Просить этого... – Вампир замешкался, подбирая подходящий эпитет.

– Это безумие, – закончил за брата полностью согласный с ним Мелиор.

– Мы собирались действовать осторожно, – вкрадчиво напомнил младшему брату из полутьмы Тэодер.

– А герцог Лиенский и понятие осторожность не совместимы, – обсасывая куриную кость, констатировал Элтон, не питавший к Элебору личной неприязни, но дававший трезвый анализ неумолимых фактов.

Лейм смутился, не зная, какие аргументы привести в защиту своих слов. Умом-то он понимал, что Элтон прав, но сердце желало и дальше отстаивать право Элегора на участие в проекте поиска карт для Пасьянса Джокеров. Гадая, что еще предпринять, юноша умоляюще поглядел на кузину, прося поддержки выразительными зелеными глазами в бархатных ресницах.

– Все верно, Элтон, – неожиданно согласилась принцесса.

– Но? – Семейный летописец, знакомый не только с хрониками, но и с простейшими правилами риторики, верно угадал, что дальше последует возражение – ведь одним из приемов спора и доказательства своего мнения в риторике является первоначальное соглашение с противником!

– Силы Случая плетут узор этой интриги. Возможно, я подчеркиваю, лишь возможно, что герцога избрали посредником для передачи карт намеренно, – пояснила свою мысль принцесса, водя пальцем по подлокотнику кресла, – и тогда мы не имеем права исключать его из игры. Пусть он не гениальный маг, но чутье, особенно чутье на странные загадки, у парня есть. Первый лорд королевства, он обязан будет поддержать нас в любых начинаниях, если того потребуют государственные интересы.

– Но и посвящать в тайну столь сумасбродное существо, как Лиенский, не слишком разумно. Мы рискуем собственной безопасностью, – вкрадчиво заявил Мелиор, старающийся судить как можно более беспристрастно и не дающий собственной неприязни возможности возобладать над рационализмом.

– А что, по-вашему, выглядит разумнее? Нагрянуть на чужую территорию с обыском или попытаться выкупить поместье через посредников? – проявила заинтересованность Элия.

– Хорошая идея! – бодро согласились Джей и Рик, как всегда готовые при первой подходящей возможности устроить заварушку покрупнее.

– Если Элегор проводит, что наша семья приложила к этому руку, он не будет знать покоя, пока не разнюхает всего, – предупредил родственников разнервничавшийся Лейм и стал бегать по комнате с той же стремительностью, с какой Джей бегал несколькими минутами раньше. – А когда разнюхает, устроит такой бедлам, что никакая тайна не останется тайной.

– Тут малыш прав, – неожиданно согласился Кэлер, сделав второй за вечер плоток вина, – этого идейного парня лучше иметь союзником, чем врагом.

– Насчет иметь – даже Энтиор не против, осталось решить, каким образом, – заржал Джей, довольный пошлой шуткой.

Энтиор презрительно фыркнул, но возражать не стал.

– Значит, ты хочешь ввести герцога в игру, если окажется, что его участие напропорчили Силы или сам Творец? – уточнил у Элии Элтон.

– Но зачем им это? – недоуменно нахмурился Кэлберт, потирая подбородок.

– Чтобы мы почаще вспоминали их в своих молитвах, прося помощи и избавления, – сострил бог воров.

– Кто может постигнуть логику Сил, а тем более промысел Творца? – ответила брату Элия риторическим вопросом и заявила: – Мы можем до бесконечности спорить об Элегоре, но не лучше ли проверить?

– Что ты хочешь сделать, дорогая? – первым проявил вежливую заинтересованность Тэодер, правда, никто не заметил, что этот вопрос задал именно он. Так бывало частенько: принц давал разумный совет или направлял беседу в нужное русло метким вопросом, его слушали и следовали указаниям, но редко вспоминали, кто был автором совета или вопроса. Запомнили его слова только тогда, когда этого хотел сам Тэодер. Обычно же он сидел столь тихо и незаметно, что мысль о присутствии принца на Семейном Совете словно бы выветривалась из сознания родственников.

– Джей, расскажи, как вы нашли карты, – вместо ответа попросила принцесса.

– Как обычно... гуляли вечером по Лоуленду, беседовали о вечном и прекрасном, – коротко ухмыльнувшись, ответил принц, беспечно пожав плечами.

– О деньгах и бабах, – встрял с пояснением Рик.

– Нагулявшись, – вор пнул брата ногой, чтобы не вмешивался, – подкинули монетку, решая, на какую улочку свернуть, выпала корона, двинули на Радужную. Тут-то я и заметил лавчонку Рансэни. Конечно, обрадовался, решил зайти, поздороваться и востребовать со старой ведьмы должок за дорожку в Межуровнье. – Джей многозначительно стукнул пальцем по рукояти кинжала. – А ведьма начала объяснять, что о ловушке в шкапулке Себара не ведала, верещала, что мы к ней заглянули неспроста, нужно нам что-то в ее лавке, и не жизнь колдуньи, а кое-что из товаров. Тогда Рик призвал свое чутье и нашел ларчик, а в нем карты.

– И зачем было обсуждать, как будем искать Колоду, – недовольно удивился Кэлберт, тряхнув головой, – если Рик один все может сделать?

– Карты – предметы незаурядные, – терпеливо пояснил брату рыжий маг, – на их поиск энергия нужна немалая. Я пока в той лавчонке кружил, весь выложился. А на целом Уровне, или тем более по Вселенной, пойдешь, найди, проще меченый диад в королевской сокровищнице сыскать! И божественное чутье в таком деле не помощник, чувствовать будешь, что есть где-то необходимое, а направление не ухватишь. Тут другой подход нужен, заклятие или точная наводка. Но какая, думать надо.

– Видите, – наставительно заметила принцесса, дождавшись окончания лекции о чутье Рикардо, – в первой находке карт все решил случай. Я предлагаю не спорить о герцоге, а просто подкинуть монетку. Корона выпадет, зовем Элегора, берем с него клятву молчания и подключаем к делу, профиль папы покажется, значит, не судьба ему в авантюру влезть.

– Кто будет кидать? – недоверчиво спросил Энтиор.

– Нрэн, – предложила кандидатуру Элия.

– Это несправедливо! – возмутился Лейм, продолжая нарезать круги по комнате. – Нрэн терпеть не может Элегора, сила его желания будет воздействовать на монету, значит, не получится беспристрастного выбора!

– Тем лучше! – удовлетворенно процедил вампир.

– Видишь ли, парень, в чем загвоздка: равнодушных к твоему другу в нашей семье не сыщешь, а чужаков мы на Совет не пускаем, – сочувственно констатировал Кэлберт и вновь потер подбородок.

– Лейм, я заговорила о Нрэне не случайно, – спокойно сказала взволнованному молодому богу кузина. – Да, он не любит Элегора, и ты не зря опасаясь силы его неприязни, но именно при этом условии мы имеем возможность проверить высшую волю. Если некие Силы желают ввести герцога в игру, то их желание окажется могущественнее сопротивления богов, питающих к Лиенскому острую неприязнь. Именно поэтому я предлагаю, чтобы жребий бросил Нрэн. Он честен, в отличие от многих членов нашей семьи, кузену не придет в голову смошенничать с результатами.

Словно получив комплимент, Рик гордо задрал нос.

– Я понял. – Теперь, когда ему все объяснили, Лейм был вынужден смириться с предложением кузины и признать, что она нашла единственный стоящий способ посвятить Элегора в семейную тайну.

– Тогда сядь и не мельтеши, – рыкнул на младшего брата Нрэн. Сам довольно часто меривший комнаты шагами, размышляя о наболевшем, воин ненавидел, когда кто-то другой, вольно или невольно копируя его манеру, носился кругами.

– Как всегда логично, Элия, – ухмыльнулся рыжий маг, пошептавшись с Джеем. – Против жребия не попрешь. Остается нерешенным только один крайне важный вопрос.

– Какой? – нахмурилась сестра, гадая, что именно она упустила из виду.

– Кто даст Нрэну монету? – приосанившись, не без патетики спросил Рикардо. – Вряд ли наш гениальный, но неимоверно скупой воитель пожертвует хоть одну корону на дело, прямо или косвенно связанное с герцогом Лиенским!

– Пожертвую, – под смехи и улыбки родственников буркнул Нрэн, вытащил из кошелька монету в...один диад. Продемонстрировав ее семье, под задумчивый вопрос Рика, заданный шепотом: «Чего это он расщедрился? Наверное, фальшивая!» – бог коротко сказал: – Роза – герцог не участвует, звезды – зовем.

Нрэн отвернулся от монеты и подкинул ее в воздух. Нарочито медленно, чтобы ни у кого не возникло сомнений в его честности, поймал диад и сжал его в кулаке. Потом повернулся и, разжав ладонь, бесстрастно провозгласил, поворачивая монетку так, чтобы все видели:

– Звезды.

– Да! Я знал! Я знал! – бурно обрадовался Лейм, снова подпрыгнул в кресле и ликующе рассмеялся.

– Ребенок, – очень-очень тихо, так, чтобы его не расслышали даже Ноут и Ментор, ласково шепнул Тэодер. Нрэн неодобрительно покосился на младшего брата, позволившего себе явно проявить чувства по столь незначительному поводу.

– Везучий сукин сын, – добродушно прокомментировал Кэлер, отпив третий глоток вина, чтобы смочить горло. На Семейных Советах любящий подзакусить принц принципиально не брал в рот ни крошки, чтобы не отвлекаться от происходящего, и пил очень мало, стараясь сохранить голову ясной.

Воин убрал монету в кошель и сел. Теперь, выполнив миссию прорицателя судьбы, Нрэн снова застыл как памятник. Энтиор и Мелиор тихо шипели гадости, но громко возмущаться, рискуя попасться на острый язычок Элии, не смели. Остальные родственники независимо от того, нравился им герцог или нет, приняли волю Сил без возражений. Некоторый опыт в общении с высшими созданиями чистых энергий успел научить принцев, что противиться их решениям бессмысленно. Отвернешься раз, второй, отвергнешь в третий, а в четвертый тебя приведут к нужному выбору безо всякого пиетета, грубо ткнув носом, и тогда останется только надеяться не сломать этот самый нос заодно со всеми прочими частями тела.

– Еще неизвестно, кому повезло, а кому не очень, – трезво высказалась принцесса, нисколько не удивленная результатом. В отличие от взволнованного Лейма, Элии действительно казалось, что она знала заранее, какой стороной упадет монета, подтвердив право Элегора на участие в опасной игре.

– Я вызову Гора сейчас? – нетерпеливо спросил юный кузен у Элии.

– Зови, но не забудь предварительно взять с него клятву молчания. Если герцог откажется, мы не пустим его на Совет, – предостерегла принцесса.

– Хорошо. – Лейм был согласен на все, только бы Элегор оказался рядом и узнал все сногшибательные новости.

– Быть может, Лиенский влип в очередные неприятности и не ответит на вызов? – мечтательно предположил Энтиор, изучая свои остро заточенные длинные ногти, покрытые бесцветным лаком с легким перламутровым отливом.

– Элегор всегда откликается на мой зов, – злорадно ответил юный принц и активизировал заклинание, из соображений секретности сотворенное им с тем же радиусом видимости, какое ранее использовал Мелиор. При всем своем доверии к другу Лейм знал о нерушимости правил Семейных Советов и никогда бы не взялся их нарушать, тем более на глазах у родственников. Как ни просил Элегор, юноша никогда не распространялся другу о том, что происходило в избранном кругу, если семья считала необходимым держать информацию в секрете.

– А я бы поставил на то, что заносчивый герцог откажется клясться, – поправляя и без того безупречный локон, поделился Мелиор своим мнением.

Заклинание связи действительно подействовало мгновенно, как и обещал Лейм. Юноша тут же покрылся краской стыда. Его друг, его лучший и единственный настоящий друг валялся в кресле на широкой открытой веранде, затененной плетями винограда. Ноги Элегор уложил на столик рядом. На другом столе по правую руку от герцога высились батарея винных бутылок и ваза с гроздьями отборного винограда. У единственной оштукатуренной стены напротив лежала целая груда разноцветных осколков. Сама стена с намалеванным углем несколькими меткими штрихами карикатурным портретом принца Энтиора пестрела живописными винными подтеками. Как раз в этот момент герцог Элегор Лиенский, небрежно заливая уже далеко не белоснежную рубашку, высосал остатки красного из очередной бутылки и швырнул ее в стену. Бутылка метко ударилась в высокий лоб его высочества и разбилась, добавив к внушительной груде еще несколько осколков, а на изображении принца появился очередной

красный след. Мужчина довольно кивнул взлохмаченной головой и потянул руку за следующей бутылкой.

– И эту пьяную тварь ты хотела пригласить на Семейный Совет, Элия? – негодуяще зашипел Энтиор, уловивший собственное сходство с изображением, над которым глумился подвыпивший герцог. Просекшие этот факт бестактные принцы, нисколько не опасаясь ранить деликатную душу вампира, заржали в голос, по достоинству оценив милую забаву Элегора.

– От трезвых пока толку немного, – небрежно огрызнулась принцесса, как ни в чем не бывало улыбнулась в ответ на беспомощный взгляд юного кузена и кивнула, призывая продолжать.

– Гор! – собравшись с духом, тихо позвал юноша.

– Привет, Лейм! – радостно улыбнулся герцог, вышиб пробку и сделал изрядный глоток прямо из бутылки. – Не желаешь присоединиться? Я решил хорошенько напиться!

– Почему? – жалобно поинтересовался принц.

– А я тут подумал, зачем иметь лучшие вина во Вселенной, если не напиваться ими хоть изредка? – беспечно пожал плечами Элегор, пригладив пятерней непослушные волосы. – Денек выдался скучный, вот я и решил поразвлечься! Заходи, вдвоем еще веселей дело пойдет!

– А парень знает толк в развлечениях, – тоном знатока громко поделился с семьей Рикардо и после маленькой паузы, во время которой его испепелил взглядом Энтиор, невинно добавил: – Хорошенько напиться – это здорово!

– Нет, – отказался Лейм. – Что-то не хочется. Я собирался пригласить тебя для важного разговора, но раз ты уже нашел себе занятие по душе...

– Какого разговора? – Сквозь веселый хмель в серых глазах дворянина проглянул неподдельный интерес, бутылку временно вернули на столик. – Серьезный разговор, который нельзя вести под бутылку вина? – заинтригованно переспросил Элегор и сказал: – Ладно, подожди, я сейчас!

Герцог опустил руку под кресло и достал маленькую бутылочку в темной соломенной оплетке. Отвинтив пробку, набрал в грудь побольше воздуха и решительно капнул на язык тягучей лилово-зеленой жидкости. На секунду собравшимся показалось, что глаза дворянина выкатятся и запрыгают по полу серебристыми шариками, но Элегор крепко зажмурился, предотвращая катастрофу, и перевел дыхание. Когда герцог открыл глаза, они были абсолютно трезвыми и горели хорошо знакомым всей королевской семье светом безумного авантюризма и бесшабашности. Крепко закупорив страшное отрезвляющее зелье собственного изобретения, мужчина весело поинтересовался у друга:

– Так какую страшную тайну ты собирался мне поведать? Элия выходит замуж или Лоуленду угрожает техногенная катастрофа? Хотя нет, – тут же поправился герцог, – если бы леди Ведьма вознамерилась сочетаться с каким-нибудь бедолагой узами брака, ты бы не отказался от выпивки.

Лейм снова покраснел, закашлялся и почему-то вытер руки о джинсы, а по рядам родственников пронеслась волна смешков с отдельными элементами негодующего фырканья в изысканном исполнении Энтиора.

– Пройдешь ко мне? – гостеприимно предложил Элегор, широким магическим жестом пододвинув еще одно кресло поближе к столику.

– Нет, я хотел бы пригласить тебя, – серьезно ответил юный принц, – но прежде, – Лейм замялся, опасаясь вспышки гнева, – ты должен принести клятву молчания.

– Однако! – Теперь герцог был заинтригован настолько, что даже не оскорбился, а любопытные чертики в глазах пустились в веселый пляс.

– Это семейное дело, Гор, – сказал все, что мог, в качестве оправдания юный принц и замолчал, комкая край майки и взглядом прося друга выполнить просьбу.

– Ладно, – неожиданно покладисто, а потому крайне подозрительно для типа, имеющего оправданную репутацию завзятого дебошира, согласился Элегор. Герцог, как и любой лоулендец, обожал настоящие тайны, а секреты королевской семьи Лиенский считал самыми грандиозными. Но посвящали его в них до обидного редко. Несмотря на прочную дружбу, Лейм накрепко замыкался в себе, стоило Элегору начать расспросы про «дела семейные», обсуждаемые на Советах, о которых в Лоуленде ходили самые умопомрачительные слухи. И вот теперь его наконец-то решили посвятить в какой-то потрясающий секрет, поэтому Элегор не собирався ломаться.

Разочарованно вздохнули Энтиор и Мелиор. Герцог заговорил:

– Я, герцог Элегор Лиенский, клянусь жизнью, силой, душой и честью в том, что сохраню доверенное мне в тайне. Хватит, Лейм? – нарушил торжественность момента мужчина, почесав скулу. – Или Печать Молчания на меня налагать будешь?

– Слова чести дворянина достаточно, – согласился Лейм и мгновением позже перенес друга на Олоне.

– Прекрасный вечер, ваши высочества, счастлив лицезреть вас так же, как вы меня, – с вежливой небрежностью аристократа, как почти равных на социальной лестнице, легким полупоклоном приветствовал Элегор присутствующих. Если бы не розовые пятна волнения, выступившие на скулах, Лейм поверил бы, что герцог ожидал увидеть королевскую семью в полном составе и умышленно не привел себя в надлежащий вид, собираясь шокировать принцев лохматой шевелюрой и рубашкой, заляпанной вином.

Во всяком случае, брезгливо раздутые тонкие ноздри Энтиора, манерно возведенные к потолку глаза Мелиора и пренебрежительные гримасы обоих явственно показали, что подобный эффект достигнут. Кэлер, Элтон и Кэлберт доброжелательно ответили на приветствие Элегора, Рик и Джей, довольные проделкой с мишенью-портретом братца, с симпатией кивнули герцогу, Тэодер, Ноут и Ментор промолчали, но без враждебности, а Нрэн буркнул что-то неразборчивое и отвернулся. Элия указала Элегору на кресло по левую руку от Лейма:

– Прекрасный вечер, герцог, присаживайтесь. Вина не предлагаем, вам его на сегодня достаточно.

– Вина, ваше высочество, никогда не бывает достаточно, благодаря этому кредо и процветает мой бизнес, – отрезал Элегор, плюхнулся в кресло и нахально задрал ноги на столик. Демонстративно налил себе полный бокал, но пригубил его лишь для вида, затем саркастически спросил:

– Могу ли я осведомиться, ради чего была нарушена строгая секретность Семейного Совета? Неужто снова понадобилась наживка для прыжков по Межуровню?

– Еще веселее, герцог, – покачала головой принцесса и украдкой прищелкнула пальцами, активизируя стандартное заклинание очистки одежды. Тонкая рубашка Элегора снова сделалась девственно-белой. Заметив проделку Элии, герцог передернул плечами, но возмущаться не стал.

Отправив в рот сразу половину персика, Элегор театрально выгнул бровь.

– Лейм, введи своего друга в курс дела, – велела принцесса кузену.

– Семье стали известны несколько пророчеств, касающихся Триады Джокеров, к тому же получены убедительные доказательства их истинности, – выпалил принц на одном дыхании, а потом четко и коротко рассказал обо всем Элегору, безупречно воспроизведя по памяти сами пророчества.

Разглядывая ларчик с пластинками карт, реквизированный у Мелиора, герцог внимательно слушал друга. Его, как и Лейма, сразу захватил рассказ о Триаде и Колоде Творца, ощущение вершащейся у него на глазах истории Вселенной было настолько сильным, что казалось, вибрировал сам воздух, а Нити структуры Мироздания звучали, словно трепетные струны любимой гитары. Возбужденно сверкающие глаза бога впились в карты. Темную герцог

рассматривал особенно пристально, а потом, бросив украдкой взгляд на серую тень Тэодера, молча положил в ларец к двум остальным.

Когда Лейм замолчал, Лиенский обвел задумчивым и совершенно серьезным взглядом читальню и сказал, потирая подбородок:

– Благодарю за приглашение на Совет, ваши высочества, но я по-прежнему не понимаю, в чем причина столь высокой чести? Я никогда не был доверенным лицом королевской семьи.

– Ларец с двумя картами куплен на аукционе в Сиратоне, герцог, – прямо ответила Элия. – По нашей информации, выставил их там посредник Валькин Грюс как часть имущества поместья Бартиндар из Вальморе. А владельцем этой недвижимости является некий герцог Элегор Лиенский.

– Бартиндар? – нахмурился Элегор, листая мысленную картотеку своих обширных владений в мирах и, выловив нужное название, пристукнул пальцами по подлокотнику: – Вспомнил. Какое-то убогое провинциальное поместье, доставшееся от двоюродной метлы сестры моей кухарки⁸. Я давал Грюсу поручение по его продаже. Думаете, там могут быть обнаружены другие карты?

– Кто знает? – пожал плечами Рик и снова взялся за массирование висков. – Надо же с чего-то начинать! Чем только Джокеры не шутят!

– А не проще было бы пошарить в доме Либастьяна? – выдвинул свежее предложение Элегор, крутя в пальцах бокал вина, к которому так и не притронулся.

– Проще, если бы у чокнутого Либастьяна когда-нибудь был дом, – согласился Джей, оценив здравость идеи. – Этот безумец всю свою жизнь кочевал по сотням миров из таверны в кабак, а из кабака в трактир. Дома у него никогда не было. Обыскивать все таверны в мирах? Сопьемся раньше, чем что-нибудь найдем.

– Значит, Бартиндар – пока единственная зацепка, – заключил Элегор и без дальнейших проволочек и советов сплел заклинание связи.

Несколько секунд шла настройка изображения, а потом проявились очертания массивной деревянной кровати, на которой в обществе тощей, словно вобла, веснушчатой девицы валялся коротконогий толстячок с круглым, как мячик, пузом. Толстяк тихонько посапывал, зарывшись носом в растрепанные кудри рыжей подружки и обхватив ее грудь. Живописно-лоскутное одеяло деревенского стиля почти сползло на пол, и контрастная пара, способная выработать стойкое отвращение у любого любителя «клубнички», предстала перед Семейным Советом во всей красе.

– Грюс! – с веселой бесцеремонностью позвал Элегор, добавив к заклинанию связи чары легкой щекотки.

Толстяк дернулся, поджал розовые пятки и мигом открыл острые, как бутылочные осколки, темно-зеленые глаза. Сел на кровати, подтянул одеяло, прикрыл себя и крепко спящую девицу и хриловатым спросонья баском прогудел:

– Благодатной ночи, господин мой, герцог. Что тревожит вас в столь поздний час?

Громогласного возмущения мужчина не высказал, но явственно дал понять своему хозяину, что думает по поводу беспардонного вмешательства в интимную сферу жизни. Особого благоговения перед герцогом Грюс, сразу чувствовалось, не испытывал, но и в открытую хамить не решался. Впрочем, сумасшедшему Лиенскому в открытую хамили только те, кто не знал о его репутации, да еще члены королевской семьи, за что, разумеется, Элегор хамил им в ответ и при этом до сих пор умудрялся оставаться в живых. Удивляясь этому занимательному факту, Элтон – любитель собственной и чужих родословных – все порывался выяснить, не было ли в роду у Элегора бессмертных или фокусников.

⁸ «Двоюродная метла сестры моей кухарки» – поговорка, обозначающая дальнюю степень родства. Русский аналог – «седьмая вода на киселе».

– Бартиндар. Ты его еще не продал? – живо поинтересовался Элегор у разбуженного агента.

Взъерошив пряди редких волос, Грюс хмыкнул и вежливо пояснил:

– Я отправил позавчера с вечерней почтой через телепорт отчет о состоянии ваших дел в Вальморе, ваша светлость. Вероятно, произошла накладка с доставкой корреспонденции...

– Вероятно, его светлость были слишком пьяны, чтобы читать, – мстительно вставил Энтиор, и каждое слово вампира буквально сочилось ядом.

– Так что с Бартиндаром, Грюс? – нетерпеливо перебил Элегор, пропустив наветы принца мимо ушей, только глубоко в глазах герцога вспыхнул огонек застарелой, въевшейся в душу, словно ржа, ненависти.

– Поместье пока не выставлено на торги, господин мой, – поняв, что отчета не избежать, начал коротко докладывать Грюс, набросив на плечи рубашку из тонкого, словно паутинка, кружева, расшитого золотой нитью. – Я прошупываю почву в Вальморе и ближайших мирах, изучаю возможность предложения в более отдаленных измерениях. Дело в том, что в Вальморе Бартиндар пользуется плохой славой, ваш родственник вел весьма... своеобразный образ жизни.

– Кто бы сомневался, – снова прошипел Энтиор, отыгрываясь за недавнее оскорбление.

– А в последние десятилетия стал затворником, о котором ходили самые дикие слухи. Устоявшееся мнение трудно переломить. Я побывал в Бартиндаре и понимаю, что покупателей туда так просто не заманишь. С виду вроде бы все в порядке, просто обычное заброшенное поместье, сад хороший, постройки еще крепкие, но как-то уж очень там неуютно, – постарался объяснить свои ощущения практичный Грюс и вернулся к тем материям, в которых понимал значительно больше: – И все-таки кое-какой доход это наследство уже приносит. Я отправил на Сиратонский аукцион несколько мелких вещей, чтобы определиться со спросом и целесообразностью продажи обстановки поместья, если не удастся выручить хорошую цену за недвижимость. Средства от аукциона были переведены на ваш обычный счет в Лоулендском банке, – закончил доклад толстячок.

– Великолепно! – неожиданно для агента обрадовался герцог, выглядевший на удивление довольным для человека, которому сообщили о том, что есть серьезные затруднения с продажей его имущества. Впрочем, герцог Лиенский всегда отличался нетрадиционной реакцией на происходящее. – Мне нужны ключи и план поместья.

– Сейчас? – с безнадежностью в голосе уточнил мужчина, бросив тоскливый взгляд на теплую кровать и витающую в сладких снах любовницу.

– Конечно. – Герцог был неумолим.

– Не будет ли угодно вашей светлости, чтобы я забронировал номер в отеле и нанял экипаж до поместья? – уточнил Грюс, надеясь сделать все дела сразу.

– Как долго туда добираться? – поинтересовался Элегор.

– Из Вальморы, где я сейчас снимаю комнаты в пансионе, два дня пути, – проинформировал работодателя агент, натягивая штаны с золотыми галунами и путаясь в кожаных завязках, позванивающих бубенцами.

– Нет, только ключи и карту, – велел герцог, явно недовольный слишком медленными темпами движения экипажа. – И побыстрее.

– Обождите минуту, господин мой, герцог, – попросил Грюс, и как был, босиком побрел из комнаты, оставив валяться на полу сандалии с причудливой высокой шнуровкой – мечту любого вальморского франта.

Выйдя в маленькую комнату, главными в обстановке которой были широченное кресло с мягкими подлокотниками и высокий стол со множеством ящиков и ящичков, снабженных отдельными запорами, мужчина отцепил от пояса ключик и отпер верхний ящик. Открыл его

и достал большую коричневую папку, из которой вытянул сложенный в несколько раз промасленный пергамент и глухо звякнувшую связку из трех ключей.

– Карта старая, но самая подробная из всех, которые у меня есть. Ключи от особняка и прочих строений поместья заколдованы, ваша светлость, первый открывает все помещения особняка, второй – подсобные пристройки, третий – чердаки и подвалы. – Грюс осторожно протянул вперед руки с вещами, словно подозревая стремительного герцога в способности оторвать вещи вместе с конечностями.

– Хорошо, – телепортировав к себе предметы, небрежно поблагодарил Элегор человека и, бросив ему напоследок обнадеживающее: – Я скоро буду! – отключил заклинание.

Пока герцог разворачивал пергамент и засовывал ключи в один из заколдованных на безразмерность карманов, Лейм, полный радостного предвкушения грядущих приключений, ради проформы спросил у родственников:

– Значит, мы с Гором отправляемся в Бартиндар?

– Он отправляется, а тебя никто туда не посылал, – громыхнул Нрэн.

– Но... – Покраснев от негодования, Лейм сжал кулаки и глубоко задышал, чтобы побороть приступ гнева.

– Никаких «но», – снова веско возразил Нрэн.

– Это почему? – вскинулся Элегор, готовый защищать друга.

– Потому что, хоть ваша верность Лоуленду и не ставится под сомнение, герцог, у нас нет веских оснований рассчитывать на вашу осторожность и разумную предусмотрительность. А в столь важном поручении, не терпящем широкой огласки и излишнего шума, именно эти качества являются существенными, – вкрадчиво промолвил Мелиор, не без скрытой иронии взирая на Элегора, и добавил с наигранным вздохом: – Дело не в некоторых разногласиях и антипатии между вами, герцог, и мм... отдельными членами королевской семьи. Мы сожалеем, но Лейм и сам пока слишком юн и порывист, чтобы ему было по силам сдерживать ваш... неистовый темперамент. На сей раз мы просто не можем позволить вам ради собственного удовольствия перевернуть вверх дном весь мир. Вы лично отправитесь в Бартиндар, на этом особенно настаивала принцесса Элия, но дело должно быть сделано без обычного шума. Разумный спутник – именно то, что нужно.

– Вот как? И кого ты предлагаешь мне в напарники, уж не себя ли, Паук? – ошетинился Элегор, зашипев не хуже Энтиора. Видно было, что еще секунда, и бог на деле покажет Мелиору, а заодно всей семейке кобеля Лимбера, что значит неистовый темперамент.

– Я хотел бы пойти с тобой, если ты не против, – допив и со стуком поставив бокал на столик, прогудел Кэлер, наклоняясь в кресле и с доброжелательным интересом глядя на герцога. Это дружелюбное заявление слегка притушило буйное негодование Элегора по поводу навязывания идиотской опеки. Кэлер был одним из немногих членов королевской семьи, к которым молодой лорд питал искреннюю симпатию, порожденную уважением к божественному мастерству музыканта.

– Лейм, я понимаю, тебе очень хочется составить компанию Элебору, но ты понадобишься мне в Лоуленде. Надо будет поработать в библиотеке, поискать подходящее средство для обнаружения других карт Колоды, если визит в Бартиндар не даст результата, – просительно вставила Элия.

Теперь Лейма буквально раздирало на две части: ему очень хотелось отправиться с Гором, но ведь и Элия далеко не каждый день просила кузена о помощи. Правда, молодому принцу казалось, что богиня легко могла выдумать предлог, чтобы отвлечь его от желания следовать за другом. Поэтому бог осторожно, чтобы не дай Силы не рассердить принцессу, спросил, продолжая любоваться изящными лодыжками кузины:

– Элия, Элтон лучше меня знает королевскую библиотеку, а в заклинаниях куда больше смыслит Рик, почему ты зовешь меня?

– Рик и Джей отправятся на прогулку по базарам, – подвела рациональную базу под свою интригу богиня логики. – Что касается Элтона, ты прав, он лучше многих из нас разбирается в книгах, но, если брат будет копаться в библиотеке рядом со мной, это насторожит многих. Во всяком случае, Источник и отец точно решат, что мы разыскиваем что-то очень важное, а если спрашивает папа, от ответа уйти нелегко, а правдиво соврать еще более затруднительно. Ты, мой дорогой, скрупулезен, педантичен в работе, как Нрэн, терпелив и к тому же интуитивен. Твоя помощь никому не покажется подозрительной!

– Юный кузен готов с наслаждением вдыхать древнюю книжную пыль ради общества богини любви, – пояснил Джей, романтично закатив глаза и очень похоже изобразил мечтательное выражение, частенько появлявшееся на лице Лейма, когда он следил за Элией или говорил о ней.

– Кроме того, наши совместные занятия будут хорошим объяснением того, почему в Лоуленте пребывает Нрэн, – коварно добавила принцесса.

Лейм покраснел и вздохнул. Элия слишком хорошо знала о его отношении к ней и умело использовала это знание. Что ж, он сам виноват в том, что никогда не умел скрывать свои истинные чувства, поэтому братья и подсмеивались над ним, впрочем, Нрэна Элия тоже видела насквозь, и над влюбленным воителем родственники прикалывались не меньше, правда, уже за глаза. Но Лейм принимал свою участь, только вот если бы в зубоскальстве братьев было побольше зависти... но для зависти нужен повод...

– Так что, парень, возьмешь меня в напарники? – повторил Кэлер свой вопрос и подмигнул герцогу.

– Буду рад такой компании, – кивнул Элегор, обменявшись взглядом с Леймом.

Этого было достаточно, чтобы уяснить: друг отказывается от путешествия ради пары самых хороших ножек в Лоуленте. Если бы они еще и не принадлежали такой жуткой стерве, герцог мог бы понять Лейма. Характер Элии, по мнению Элегора, делал богиню совершенно невозможной в качестве любовницы, зато, честно признавал молодой бог, изощренный, скептический ум, могущество и язвительный язык превращали принцессу в замечательную подругу. Но пропавшего беднягу Лейма в кухне восхищало все, даже ее уникальная стервозность, восторженно именуемая юношей ироничным складом ума. И сколько ни пытался Элегор открыть другу глаза на истинную сущность богини, на то, что она играет его чувствами так же, как и чувствами тысяч других мужчин, Лейм только вздыхал и продолжал тайком любоваться кухней. Поняв, что друг безнадежен, герцог даже попытался поговорить с Элией, побудить ее не использовать свои чары на Лейме, но ничего из этого не вышло, принцесса явственно дала приятелю понять, что тот сует нос не в свое дело.

– Может, нам с Риком тоже в Бартиндар прогуляться? – весело предложил Джей. – В конце концов, именно мы разыскали первые карты!

– Лучше займитесь межмировыми базарами, это только таким пронырам и по силам, – строго посоветовала принцесса.

– Джей, Рик и герцог на одну бедную Вальмору, – расхохотался Элтон, уперев руки в бока. – Не многовато, парни? Давайте-ка подождем, пока этот мир провинится перед нами настоящим.

– Уговорил, – надувшись от гордости, согласились шальные принцы, раскланявшись перед публикой. – Ну, мы пошли! Держим связь через Элию?

– Именно, – подтвердила принцесса и попросила напоследок: – Будьте поаккуратнее и потише, мальчики! Широкая огласка нам не нужна!

– Не волнуйся, сестра, осмотрительность – наше второе имя, – беспечно заявил Рик, не упуская возможности на прощанье сорвать поцелуйчик с губ прелестной богини.

– После Шального Ужаса Вселенных, повергающего в шок и очищающего карманы? – уточнила Элия, потрепав брата по рыжим кудрям. – Не спорю.

– Значит, Мелиор опрашивает коллекционеров и прошупывает частные коллекции, братья прочесывают базары, Кэлер отправляется в Бартиндар с герцогом, ты и Лейм просматриваете источники в библиотеке Лоуланда, чтобы подыскать заклятие, способное аккуратно вывести нас на след других карт, Нрэн охраняет ларец с тремя добытыми сокровищами, – подытожил Элтон. – А чем заняться остальным?

– Самым ответственным делом, – ответила богиня, шутливо отмахиваясь от полезшего обниматься вслед за братом Джея. – Вернуться к своим занятиям и сделать вид, что ничего необычного не произошло. И по возможности поднять такой шум, чтобы Лоулендскому Источнику некогда было следить за порядочными членами семьи, спокойно читающими книги в королевской библиотеке.

– Не могу сказать, что мне это нравится, сестра, но разумно, – почесав нос, согласился Элтон, снова затыкая за ухо ручку, которая так и не успела сломаться за время Семейного Совета.

Пока родственники выпроваживали Джея и Рика, обсуждали последние детали и способы оповещения друг друга в случае экстренной необходимости, Кэлер телепортировал к себе брезентовую походную сумку и футляр с гитарой. Элегор, последовав примеру принца, тоже обзавелся сумкой с вещами, но вместо музыкального инструмента (молодой бог все еще считал свое искусство недостаточно высоким, чтобы играть в присутствии Кэлера) перенес к себе ножны с тонким длинным мечом. То, что он прибыл на Семейный Совет богов без оружия, нервировало его на протяжении всего диалога с принцами, но вызывать оружие он не стал специально, чтобы никто из высокородных ублюдков, особенно надменный вампир, не подумал, что герцог Лиенский трусил. Пристегнув меч к поясу, Элегор встал:

– Пора!

– Тогда в путь, – согласился Кэлер, закинул сумку и гитару за плечо, подошел к герцогу и запросто сжал его руку, доверяя молодому богу самостоятельно выбрать точку телепортации.

– Удачи! – пожелала им принцесса.

Один за другим боги покидали читальню, оставляя столы с пустыми бутылками, обедками и незначительными остатками съестного (почти ничего не ела только компания Тэодера). Олонеэское вино пришлось принцам весьма по вкусу.

– Мне ждать тебя, Элия? – с надеждой уточнил истосковавшийся Нрэн, которому очень хотелось перенестись в Лоулэнд с кухней, проводить ее до покоев и, возможно, остаться там на ночь.

– Нет, – воспротивилась принцесса. – Возвращайтесь с Леймом к своим делам, мне надо сделать кое-какие распоряжения в особняке. Когда буду дома, я вас извещу. А ларец пусть пока побудет в твоих надежных руках, Нрэн. Думаю, никто из родственников не возражает? – Элия взяла со столика ларец и передала его кузену. Принимая ценную ношу, руки воителя соприкоснулись с тонкими пальцами богини, и Элия нежно погладила их, шепнув: – До скорой встречи.

От этой простой мимолетной ласки сильнее забилося сердце каменного бога, а в янтарных глазах засиял свет пылкой страсти. Воитель кивнул, забрал ларец и исчез без дальнейших пререканий. Лейм последовал его примеру. Приложившись к ручке сестры и подсадовав на то, что иногда государственные нужды предполагают использование столь неуправляемых и опасных существ, как герцог Лиенский, испарились Энтиор и Мелиор. Чмокнув сестру в щеку, телепортировался на заждавшийся капитана корабль Кэлберт. Только тогда Тэодер, о самом присутствии которого снова забыли все родственники, покинул полутемный угол и приблизился к кухне. Братья-спутники безмолвными призраками остались дожидаться его на прежних местах. И снова, оставшись с сестрой вдвоем, бог слегка приоткрыл свою истинную суть. Движения преисполнились молниеносной грации, стальной блеск жесткого ума появился в глазах, рот обрел властный изгиб. Дивясь этим переменам, Элия в очередной раз задалась вопро-

сом – каков же ее «скромный» кузен на самом деле, без всякой маскировки? Судя по тому, как повиновались одному движению его брови Ноут и Ментор, общество принца было не для слабонервных.

– Ты хочешь, чтобы я задействовал свою сеть? – практически поинтересовался бог у принцессы, глядя ей прямо в глаза.

– Конечно, дорогой, – охотно согласилась Элия. – Быть может, какие-то следы карт Либастьяна скрыты в тенях, и только тебе удастся отследить их.

– Возможно, там таится многое, – не стал спорить Тэодер. Немного помолчав, принц добавил, решившись на некоторую долю откровенности: – Мне кажется, не только я и ты видим в тенях, дорогая. Может, у герцога Лиенского не менее острый взгляд.

– Этот парень непредсказуем, – задумчиво покачала головой богиня и, оценив степень доверия фанатично скрытного кузена, добавила: – Спасибо, я проверю твои слова.

– Я свяжусь с тобой позже, кузина. Обменяемся информацией, – заключил бог.

Нежно поцеловав руку принцессы на прощанье, Тэодер подошел к Ноуту и Ментору. Мужчины встали у него за плечами безмолвными тенями. Кузены исчезли из комнаты богини тихо и незаметно, словно погрузились в сумрак.

Глава 5

О пользе ночных посиделок в Вальморе

Да, кабаки – они в любом уголке Вселенной кабаки. У всех у них одна форма, одна функция. Функция: располагать людей к опустошению сосудов со спиртным. Форма: стулья (чтобы на них сидели люди), столы (чтобы на них стояли сосуды).

Г. Гаррисон. Стальная Крыса идет в армию

*Зачем биться, если можно договориться?
к/ф «Пираты Карибского моря – 2.
Сундук мертвеца»*

Элегор и Кэлер перенеслись в Вальмору, а если быть совершенно точными, в спальню несчастного агента, чей режим дня никак не совпадал с биоритмами господина, равно активного в любое время дня и ночи. Элегор вообще спал довольно мало, всего три-четыре часа в сутки, но скажи кто герцогу, что в этом он подобен воителю Нрэнгу, молодой бог мог жестоко оскорбиться. И, возможно, не зря. Если у воителя краткий отдых был следствием четкого распорядка, то у Элегора недолгий сон объяснялся кипучей, бьющей через край энергией.

Итак, Валькин Грюс еще только начал расстегивать рубашку, примостившись на краешке кровати и бросив нежный взгляд на свою худую пассивку, когда его покой был нарушен вторжением богов.

– Мой господин, герцог, – довольно резво для своей комплекции подпрыгнув с кровати, пробормотал толстяк и устремился к Элегору. – Вы уже здесь! Но что же мы стоим, прошу, пройдемте в другую комнату, там будет удобнее вести беседу!

Бормоча приветствия, Грюс стал теснить мужчин к двери, опасаясь того, что его начавшая беспокойно ворочаться любовница окончательно проснется. Не открывая глаз, женщина сонно пробормотала:

– Пухлик, что там такое?

– Все в порядке, Селедочка, спи, – торопливо отозвался Валькин и, выпроводив гостей в коридор, поспешно притворил дверь спальни.

Позволив агенту вывести себя из комнаты, Кэлер хлопнул Грюса по плечу и, добродушно усмехнувшись, заметил:

– Ты не переживай так, мужик, не кинемся мы на твою деваху. Нас-то двое, а она у тебя эвон какая тощая! Да и не по вкусу она нам! Герцог и вовсе невесомых фитюлек любит, а мне баб пообхватистей подавай. – Бог нарисовал на уровне глаз низкорослого Грюса некую геометрическую фигуру – не то овал, не то прямоугольник.

– Гномих, что ли? – озадачился Валькин.

Кэлер заржал так, что толстые доски под ногами заходили ходуном, жалобно постанывая. Заразившись весельем принца, рассмеялся и Элегор.

– А ты шутник, малый! – отсмеявшись, утер слезы бог. – Ну а теперь скажи, где тут у вас подзакусить можно?

– Ночь на дворе уже, – неуверенно пожал плечами агент и для убедительности махнул рукой в сторону окна в конце коридора. – Все кабаки закрыты, кроме «Приюта плотогонов», но там всегда шумно и любят о чужаков кулаки почесать.

– Где это место? – оживился Элегор. Молодому герцогу еще не успели приесться кабацкие драки, и пусть Мелиор разорялся о том, что нужно быть тихими и незаметными, но дать в ответ в морду, если попытались ударить тебя, – долг чести каждого!

– Кормят-то там хорошо? – решил прояснить главный интересующий его вопрос Кэлер.

– Неплохо, сытно, – машинально ответил Грюс. – А добираться туда недолго. Как из пансионата выйдете, до конца улицы спуститесь и свернете налево в проулок. – Сделав короткую паузу, толстяк безнадежным голосом спросил, словно уже чувствовал чужие кулаки на своих давно не битых ребрах: – Мне идти с вами, мой господин?

– Зачем? – к невыразимому облегчению Валькина отозвался Элегор с искренним недоумением. – Спи, а мы пока погуляем, осмотримся. Если что нужно будет, утром придем, обсудим.

– Хорошо, – кивнул Грюс, но не оставил некоторых подозрений на тот счет, что то, что является утром для герцога, не все сочтут таковым.

– Только денег нам местных подкинъ, ни к чему с чужими монетами светиться, – предусмотрительно попросил Кэлер и, вытряхнув из худого кошелька горсть монет, протянул их Грюсу для обмена.

– Нет, – быстро оценив состояние финансов принца, вмешался Элегор и достал из своих запасов изрядную пригоршню серебра. – Ты, Кэлер, мой спутник, а значит, за все плачу я! Ступай, Валькин, поменяй деньги.

Взяв серебро, агент ненадолго исчез в своем кабинете и появился с замшевым кошельком приятной пухлости, набитым так плотно, что он почти не звенел.

– Вот, ваша светлость, – начал отчитываться Валькин. – Лоулендские короны здесь идут одна к семи местным серебряным тритонам, а за один тритон дают пять золотых русалок. Медные деньги называют тростником, и за один золотой отсыплют тридцать монет. Вы дали мне шестнадцать корон, это сто двенадцать тритонов, я взял на себя смелость обменять три тритона на русалок и тростник. Это составило...

– Хватит, Грюс, – с легким раздражением прервал агента герцог. – Вот, Кэлер, держи. – Забрав у толстяка кошель, Элегор, не считая, пересыпал примерно половину его содержимого в широкую горсть Кэлера.

Покинув стены пансионата, мужчины отправились на поиски кабака с романтичным названием «Приют плотогонов». Никаких фонарей Вальмора не знала. Мелкий булыжник под ногами освещался лишь призрачным светом звезд и большой зеленой луны, отчего все вокруг приобретало некий тинный оттенок, и редкие прохожие напоминали неупокоенные трупы, поднятые из могил каким-то особенно ретивым аниматором.

Рев голосов, горланивших сразу несколько песен, звуки ссоры и задушевных бесед на повышенных тонах, застольные крики, разносившиеся по пустынным улицам, указали богам истинное направление движения надежней любого заклинания поиска. Через пять минут мужчины стояли у двери из тяжелых, потемневших от времени досок, над которой раскачивалась вывеска, запечатлевшая дюжего дядю с внушительным дрекольем. Если бы не символическое плавсредство под ногами и сине-зеленый цвет вокруг, типа на вывеске вполне можно было бы принять за разбойника с большой дороги. Во всяком случае, и комплекция, и дреколье, и разбойничья рожа у него были самыми подходящими. Это только больше раззадорило Элегора.

Он первым толкнул дверь на массивных латунных петлях, судя по царапинам на них, не раз выбивавшихся из пазов, и вошел в ярко освещенное помещение, состоящее из нескольких соединенных низкими арками залов. Свет исходил от вмурованных в потолок и стены разнообразных ракушек наипричудливейшей формы и расцветки, мерцавших в такт царившему тут гулу. Из-за этого своеобразного дизайна «Приют плотогонов» напомнил Элегору русалочий грот, правда, ни в одном гроте, если там, конечно, не сдох десяток русалок, никогда не было такого спертого воздуха.

– Хм, а Лейм утверждал, что цветомузыка – изобретение урбанистическое! – оглядывая трактир, удивился герцог.

– Молодой он еще, мало странствовал, – покровительственно отозвался Кэлер, входя следом и аккуратно притворяя дверь.

Из свежести ночи мужчины шагнули в тяжелый и густой, словно кисель, воздух, пропитанный запахом спиртного, мужского пота и съестного. «Приют плотогонов» был битком набит людом, основную массу которого составляли мускулистые мужики и не менее фактурные, во вкусе Кэлера, бабы в одеяниях невообразимой пестроты, сравнимой разве что с яркостью Риковых фейерверков и с ракушками, освещающими кабак. И богатая одежда: сорочки из дорогой тонкой ткани, щедро расшитые по вороту и рукавам жемчугами и бисером, пояса и жилеты, тяжелые от украшений; и самые простые укороченные штаны и рубахи из грубого полотна, подпоясанные разноцветными плетеными веревками, – все было сочно, колоритно и невозможно красочно. Раньше Элегор думал, что так одеваются только кочующие племена гадателей, циркачей и конокрадов, но теперь стало ясно, что ошибки свойственны не только слегка сдвинутому на техномирах приятелю Лейму, но и самому герцогу. Бог невольно усмехнулся при мысли о том, что Рик и Джей в этой пестрой толпе смотрелись бы куда естественнее, чем он и Кэлер: самым ярким пятном в их общем гардеробе была рубашка насыщенного синего цвета, ворот которой выглядывал из-под потертой черной куртки покровителя бардов.

При появлении худощавого Элегора сидевшие ближе к двери завсегдатаи притихли, подозрительно изучая чужака. Но когда за жилистым молодцом, расправив широкие плечи, прошествовал Кэлер, даже здесь выделявшийся могучим телосложением, народ вернулся к кружкам и возобновил свои разговоры.

В забитом под завязку втором зале лоулендцы отыскиали у самой стены свободный столик, над которым, отпугивая посетителей, особенно назойливо и часто вспыхивали три крупные круглые ракушки с рожками и пупырышками ядовито-красного, изумрудно-зеленого и чернильно-синего оттенков. За двумя большими столами, между которыми и жался столик, гудели две чрезвычайно говорливые компании, словно бы состязавшиеся друг с другом в способности произвести шум рекордной громкости.

В первой заводилой был мужик с комплекцией быка, старым белым шрамом через все лицо, перебитым носом, пронзительными карими глазами и копной черных, словно присыпанных солью, волос, в которой позванивали просверленные монетки, ракушки и цепочки. Алая рубашка его, словно сигнальный флаг, маячила в общей пестроте.

Вторую компанию возглавлял зеленоглазый дядя помоложе и постройнее, но с совершенно неохватными плечами, делавшими его верхние конечности более похожими на лапы примата, чем на человеческие руки. Прическа этого типа состояла из массы закрученных в плотные жгутики светлых волос с вплетенными в них растениями (какими-то люминесцирующими водорослями) и ленточками. Такими же разноцветными ленточками с блестками был обшит его жилет, исконно черный цвет которого разглядеть было под силу лишь очень внимательному наблюдателю.

Обе компании не только хлестали в три горла из здоровенных кружек пенный напиток, закусывая его сочными колбасками, но и горланили песни. Как раз сейчас мужик со шрамом затянул, а братия залихватски подхватила:

Плывет мой плот по быстрине,
Лежит русалочка на мне,
И грудки нежные у ней
Моих касаются кудрей...

Парень с вальморским аналогом дредов и его компания, перекрикивая конкурентов и отбивая такт кружками, еще громче загорланили свою куда более вульгарную песню схожей

тематики, где русалок было несколько, и по отношению к плотогону они вели активные действия развратного характера.

К столику новоприбывших, поднеся первой шумной компашке очередную порцию пива, шустро протолкался молодой подавальщик с задорно вздернутым носом в россыпи крупных веснушек. Мимоходом вытирая руки о фартук, залитый спиртными напитками до твердого состояния, парень небрежно бросил:

– Чего вам?

– Пару кувшинов пива, – успев определить, что именно пьют в «Приюте плотогона», потребовал Элегор, без лишней брезгливости водрузив локти на липкую от подсохших и плохо вытертых пятен деревянную поверхность стола, отполированного поколениями посетителей. Хорошо хоть грязь не имела вековых наслоений.

Бросив сумку под ноги и бережно примостив у стены любимую гитару, Кэлер вытянул ноги, вдохнул воздух полной грудью и, улыбнувшись подавальщику, начал обстоятельно перечислять, отгибая пальцы массивного кулака:

– Мяса какого-нибудь посочнее, с хлебушком, сырку остренького, колбаски поджаристой, яблок. Да тащи побольше, малый, кушать хочется.

В качестве стимулирующего средства монетка в пять тростников переключалась в пальцы подавальщика.

– Пиво есть крепкое темное «Дыханье тьмы» из гномьего фракхардырдыга и нашенское «Золотая роса», из мяса лучше рагу возьмите, телочка хороша, а кабанятина жесткая, как подошва. Своей, что ли, смертью помер секач? Сыр у нас с перцем и тмином, «Купава», а еще пара головок голубого «Солодка» осталась, тоже вкусен, – подробно отчитался парень, довольный мздой.

– Неси все, – с усмешкой великодушно разрешил Кэлер, подмигнув пареню. И подавальщик, расплывшись в ответной искренней улыбке, испарился с феноменальной прыткостью.

Вернулся он поразительно быстро, сгибаясь под тяжестью огромного подноса. Элегор только подивился такому стремлению услужить и слегка позавидовал. Сам он, не прилагая к тому специальных усилий, симпатию у людей вызывал редко. Гораздо чаще после нескольких минут или даже секунд знакомства от него начинали шарахаться, как от опасного безумца, будто боялись подхватить какую-нибудь смертельную болезнь.

Запыхавшийся паренек сноровисто выставил на стол миски с дымящимся рагу, каравай хлеба грубого помола, огромную тарелку с несколькими кусками сыров и горой маленьких, только что снятых с огня и еще шкварчающих колбасок и в довершение ко всему вывалил горку мелких полосатых яблок.

Закончив выгружать еду, парень снова совершил чисто символическую, исходя из обилия грязи на нем, процедуру вытирания рук о передник, принял назначенную плату и сверх нее несколько монеток за хлопоты. Забирая денежки, подавальщик весело улыбнулся Кэлеру и сказал:

– Если что еще понадобится, господин хороший, крикните погромче Криста, – и исчез в толпе, бурлящей, словно густой суп.

Пока Кэлер раскладывал по оловянным мискам горячее рагу и щедро пластал темный хлеб с двумя разновидностями сыров, Элегор пододвинул к себе оба кувшина с пивом и придирчиво, как и подобает владельцу крупнейшей винной империи, принялся. Терпкий, горьковатый, характерный запах темного гномьего пива и легкий, с привкусом аниса аромат вальморского пришлось знатоку вин по душе. Для начала герцог наполнил грубые глиняные кружки местным пенным напитком. Сдув высокую пену, боги с наслаждением отхлебнули по несколько глотков и с аппетитом принялись за еду.

Кэлер зачерпнул деревянной ложкой густого рагу и, причмокнув, отправил его в рот. Грюс не соврал, пусть в кабаке и было грязновато, но кормили в «Приюте плотогонов» прилично, даже ужасный шум не мешал богу получать удовольствие от качественной еды. Следом за первой принц зачерпнул вторую ложку, но не успел проглотить, как началось то, чего так ждал и на что тайком надеялся Элегор.

Со стола, за которым восседал парень с «дредами», в сторону компании алорубашечников вместе со словами: «Эй, Вук, заткнись, а то ревешь, точно тебе русалка хвостом между ног засадила!» – полетела увесистая кость.

Мосол метко приземлился прямо в кружку ближайшего соседа шрамолицего. За столом метателей оглушительно заржали, когда содержимое полной кружки щедро расплескалось по всему столу, обдав брызгами компанию конкурентов. Больше всего досталось бугаю со шрамом. Вук нарочито медленно вытер лицо мозолистой ладонью и с расстановкой, угрожающе рыкнул, исподлбья сверля оскорбителя карими буравчиками глаз:

– Это ты кому, Трафа? Не мне ли?

– А кому ж еще? – оскалился молодой нахал, тряхнув головой так, что его ленточки взвились облачком, и расправил неимоверно широкие плечи.

Его кодла с готовностью подхватила издевательский смех, угрожающе заворчали за столом напротив мужики, пощелкивая суставами, сжали кулаки, зачесавшиеся по доброй потасовке, на лицах заходили желваки. Ощутимо запахло грандиозной дракой.

Оскорбленный плотогон почесал перебитый нос и с улыбкой, не затронувшей, впрочем, глаз, поднялся с массивной грубой лавки, сбитой из досок толщиной в пять ладоней, на которой он по праву старшего восседал в почетном одиночестве. Плотогон крикнул, одним мощным рывком поднял лавку, как огромную дубину, и кинул снаряд в глумящихся супротивников. Но то ли излишек крепкого темного пива в утробе, то ли еще что-то было тому виной, а только Вук ошибся с направлением. Вместо того чтобы вмазаться в наглые рожи насмешников и «остроумного» Трафа, лавка направила свой стремительный «грациозный» полет аккурат к столику ужинавших лоулендцев. Элегор, мгновенно просчитав траекторию снаряда, отклонился в сторону, а Кэлер, не отрываясь от миски с рагу, выбросил вверх одну руку и легко, как перышко колибри, поймал тяжеленную махину. Небрежно подкинув ее еще раз, чтобы повернуть нужной стороной, бог аккуратно поставил лавку на пол.

Крики, смех, оскорбления и подначки, сыпавшиеся с соседних столов, заинтересованно следящих за развитием конфликта, мигом смолкли. В «Приюте плотогонов» наступила звенящая тишина, какой кабаки не знал со времен своего славного основания, слышались только дыхание нескольких десятков мужчин и тихое гудение светящихся ракушек.

– Вы бы поосторожнее развлекались, мужики, – запив порцию рагу изрядным глотком пива, миролюбиво посоветовал Кэлер, развернувшись лицом к скандалистам, и наставительно, но без особого напора заметил: – Что такой махиной бросаетесь, не глядя? А ну как зашибете кого? Нехорошо.

– Тебя, человеке, не спросили, – вместо Вука снова влез быстрый на язык Трафа.

Элегор оживился, азартно заблестели серебряные глаза, напряглись мышцы. Вот сейчас они с Кэлером покажут этому быдлу, что такое славная драка, сделают из них бифштекс с кровью по-лоулендски. Конечно, Мелиор, мерзкий Паук, шипел о том, что нехорошо выделяться, да и Элия будет ехидничать, коли узнает, но, во-первых, начал-то сам Кэлер, вздумал читать мораль пьяницам, во-вторых, уж больно веселым грозило быть развлечение, а в-третьих, сейчас герцогу было наплевать на мнение королевской семьи.

– И верно, не спросили, – по-прежнему миролюбиво согласился Кэлер, с хрустом откусив половинку сочного яблока с легкой кислинкой. – Не спросили, только ведь я всегда свободен свое слово сказать, а уж коль оно вам не по нраву пришлось, не взыщите, мужики. Только разве ж я пусто брешу? Одно дело силушкой побаловаться, косточки поразмять, а совсем другое –

башку своему же парню сворачивать. Обратнo-то ee не приставишь. Неужто вы настолько друг дружку невзлюбили?

Почти минуту мужики переваривали сказанное принцем.

– И ведь прав ты кругом, мужик. Извиняй, – пристыженно признал Вук, качнув головой так энергично, что зазвенели многочисленные ракушки и монетки. – Трафа, конечно, сволота, а все ж свойский мужик, плотогон, и пить умеет, и поет знатно. Язык только у него плохо привязан, как пяток кувшинов опрокинет, все ниточки распускаются. Но что ж, из-за этого ему черепок отвинчивать? Погорячился я малость. Не звери мы, чтобы из-за пустяка грызню устраивать.

– Ты на животинок-то пустого поклепа не возводи, – упрекнул бугая Кэлер, отправляя в рот сочную колбаску. – Звери, они всегда не без важной причины бой чинят: ради продолжения рода или куска, который с голодухи помереть не даст. А ради забавы и по хотенью только человек на смерть бьется.

Элегор смотрел и диву давался. Эта пропитая кабацкая шантрапа, чьи рожи не были отягчены ни малейшим отпечатком благородного интеллекта, внимательно слушала пустившегося в примитивную философию Кэлера и вовсе не собиралась устраивать махач. Конечно, будь на месте принца какой-нибудь субтильный хлюпик, вряд ли его речи возымели бы успех, но громадного бога мужики слушали с глубочайшим вниманием и примесью уважения.

– Правильный ты человек! – с чувством заключил шрамастый Вук и, прихватив свою гигантскую кружку, более походящую на таз, плюхнулся на свершившую полет лавку у стола Кэлера. – Меня зовут Вукфар, или просто Вук.

Трафа взял свою кружку, пару полных кувшинов пива, отвалил от своего стола, слегка покачиваясь, сделал несколько шагов и упал на скамью рядом с бывшим недругом:

– А я Трафан, кличут Трафа.

– Кэлер, – представился в ответ принц.

– Гор, – в свою очередь скромно назвался герцог, сообразив, что его звучное имя в кабаке прозвучит диковато и подозрительно.

Неожиданно сентиментально всхлипнув, Трафа добавил:

– И хорошо ты, Кэлер, про зверюшек сказал. Как есть правда! Песик мой, Зубоскал, и плот сторожит, и любит меня куда больше любой бабы, прыгает чуть не до неба, когда видит, всю морду исключаявить норовит и визжит так трогательно, что сердце разрывается. А чужака не подпустит, такой рык да лай подымает, мертвого разбудит.

– Да, звери, они подчас верней и надежней человека будут, – выслушав душещипательную историю о дорогом песике Трафа, согласился Кэлер. – Нету в них подлости душевной.

– Надолго к нам нагрянули? – спросил Вук, прихлебывая темного пивка.

– Нет, завтра уже дальше надобно. Но спешка – спешкой, а не наведаться в трактир Вальморы, где подают лучшее пиво в городе, не смогли. Правду говорят, таких колбасок и пивка, как в «Приюте плотогонов», по всей округе не сыщешь.

– Это точно, – единогласно поддакнули бывшие спорщики, совершенно примирившиеся между собой на почве общей гордости за родной трактир, и сделали еще по несколько глотков восхваляемой жидкости. Кэлер гостеприимно придвинул поближе к мужикам тарелку с колбасками, чтобы пьянели помедленней.

Компании посасывали пиво и исподтишка поглядывали на своих заводил, мирно ведущих неторопливую беседу с пришлым силачом.

– Утречком и тронемся, – завершил Кэлер, – ... в Бартиндар.

Элегор едва не подавился куском острого сыра. Вот тебе и раз! А как же тишина и секретность? Мало того что принц в трактире скамейками жонглирует, так теперь прямым текстом местному люду о цели путешествия докладывает. Или Кэлер пьян? Да нет, с чего бы? Не от половины же кувшина слабого пива? На всякий случай герцог упреждающе пнул спутника под

столом ногой, Кэлер ответил герцогу понимающим пинком и украдкой подмигнул: дескать, все путем, парень! Не спятил я!

– В Бартиндар нам надо, – со вздохом повторил принц. Последовала пауза, на протяжении которой оба вальморца выкашливали пиво из легких. Завершилась она встревоженным ропотом:

– Бартиндар? Чего вам там надобно? Худое место! Гиблое! Не надо туда идти! Хозяин его, до того как к Творцу отойти, затворником жил, с разной нечистью якшался. Огни колдовские жег, демонов призывал! В тамошнем саду до сих пор птицы гнезд не вьют, и зверье стороной обходит, а человека, коли приблизиться удумает, страх лютый прошибает, и ноги сами прочь несут! Страшный край! Даже русалки в тех местах надолго не задерживаются.

– Слыхали мы, что край дурной, – не стал спорить Кэлер, пожав широкими плечами, – да только надобно.

– Что ж за нужда такая? – заинтересовался Трафа.

Покровительственно шмякнув Элегора по плечу, принц доверительно поведал публике:

– Друг мой парень пряткий, вечно его на неприятности тянет, оглянуться не успеешь, как в какую-нибудь новую безумную затею ввяжется. А уж до споров охоч, спасу нет! Не уследил я за ним, поспорил на двадцать русалок, что в Бартиндаре переночует. И как его, беспутного, одного на такое отпустить? Я ж его мамке – тетке моей – на смертном одре хранить сынка обещал. Что ж поделаешь?

– Ну, коли так, и правда ничего не сделаешь, – согласились мужики, сердито глянув на Элегора, ощущавшего себя довольно странно. Наверное, в первый раз в жизни его ругали за выходку, которой он не совершал, если не считать змеи, которая когда-то заползла в летнюю резиденцию Лиенских сама по себе и едва не вызвала у драгоценной и ныне покойной маман, ненавидевшей большинство представителей животного мира, разрыв сердца. – Двадцать русалок – деньги хорошие. А сродственнику твоему горячих навесить бы надобно! Ишь, во что старшего втянул!

– Он свое получил, дней десять сидеть ровно не мог даже на подушке, все ерзал, – ухмыльнулся Кэлер. – Сам-то я малый добрый, а вот рука у меня тяжелая.

Трафа и Вук одобрительно заворчали и мигом сменили неприязненное отношение к Электору на равнодушное. Чего беситься, коль провинившийся уж схлопотал изрядно, да в Бартиндаре еще получит?

– Как до места добираться думаете? – задал вопрос по существу Вук, положив на стол натруженные мозолистые руки с короткими неровными ногтями.

– Экипаж хотели нанять, да вишь ты, брательник неугомонный твердит, больно долго, – разоткровенничался Кэлер. – Не терпится ему.

– Лошади в Вальморе быстроногие, да дорога изрядный крюк к Бартиндару делает, напрямки не проедешь. На плотках сплавляться надобно! – дал дельный совет плотогон, почесав в своих монетках и ракушках на голове. – А, Трафа?

– Повезло вам, я как раз завтра сплав начинаю, – ухмыльнулся Трафа, поигрывая наборной гривной из монет, обхватившей шею. – В Яльмину товар на плотках везу, могу и вас прихватить, ежели не побрезгуете.

– Отчего ж, благодарствуем, – охотно согласился Кэлер. – Дорого ль за провоз спросишь, плотогон?

– Петь умеете? – почему-то не по существу уточнил Трафа.

Кэлер нагнулся и, осторожно достав из-под стола футляр с гитарой, ответил:

– Сам пою и играю, людям по нраву, да и брательник мой парень голосистый.

– Это точно, если я заору, услышат издалека, – серьезно подтвердил герцог, но плотогонны были слишком пьяны, чтобы вникнуть в соль шуток.

– А какой тебе с того прок? – любопытствовал принц и на сей раз сам перешел к физическим действиям, утихомиривающим остроумного компаньона. Сапог Кэлера ощутимо приземлился на ногу Элегора, и герцог ответил принцу невинной улыбкой, впрочем, показывающей, что от шуток он постарается удержаться, правда, полностью за себя ручаться не может.

– Да уж больно русалки и тритоны музыку любят, плоты быстрее гонят, коли их доброй песней побаловать, – объяснил Трафа и удивительно нежно улыбнулся, выказывая искреннюю симпатию к разумным амфибиям. – А лучше старых для них только новые песни, прежде неслыханные, очень истории про любовь любят да про воду. Ежели русалкам петь будете, так ни тростника с вас не возьму.

– Договорились, – уверил мужика Кэлер и стукнул своей кружкой о кружку Трафа, скрепляя устный договор, не менее надежный в среде вольных плотогонов, чем бумага с печатями и подписями.

– Тогда еще по кружечке – и двигаем, – выхлестав пиво, подтвердил плотогон, вытирая рукой рот.

– Куда? – удивился Элегор, не то чтобы он был против неожиданных и стремительных передвижений, но хотел знать, в какие края их с Кэлером собрался тащить по темным вальморским улицам пьяный мужик. Не в гости же к русалкам? Но оказалось, что последнее предположение герцога наиболее близко к истине.

– Как куда? – озадаченно переспросил Трафа. – К плотам моим. В здешней духоте разве выпишься по-людски? То ли дело на водице. Она как мамка тебя принимает и укачивает. Красота!

– Возил я одного студента, – ударился в пьяные воспоминания Вук. – Гостил, немочь бледная, в Вальморе у старухи-тетки, а домой, приключений ему вишь ли захотелось, решил по реке добираться. И что ж ты думаешь, едва ногой на плот вступил, зеленый, чище яблока незрелого сделался. Блевал всю дорогу от Вальморе до Кударга, и выворачивало его всегда неожиданно, где придется, а все чаще за борт, не могли уследить. Не связывать же придурка, да и за проезд заплатил честно, хотя знать бы наперед, чем дело обернется, я б такую цену заломил, чтобы он нас стороной всю жизнь обходил. Одними убытками для нас тот сплав обернулся. Ни один тритон и близко к плоту не подплыл. Так на шестах и веслах весь путь шли. – Плотогон брезгливо сплюнул на пол, выражая свое презрение к сухопутной крысе, и, потеряв равновесие, сам едва не отправился вслед за плевком, но, ухватившись за край стола, удержался на лавке.

– Нам что вода, что суша, все едино – желудки луженые, – ухмыльнулся Кэлер. – Блевать не будем.

– А все одно на плотях лучше! – с упрямством истинного патриота заявил Трафа. – Водица покачивает, плеск ласковый, ветерок свежий.

– Тока мошकारа, сволочь, жрет нещадно, особенно ввечеру, – снова влез и опошил всю плотогонскую романтику Вук.

– Эт-т-та ничего, – вступился за насекомых Трафа, задумчиво откусывая колбаску и принимаясь ее меланхолично пережевывать. – Мошка малая, она тоже животинка, есть хочет.

– У меня настойка одна от гнуса имеется, – похвалился Кэлер. – Только обрызгай ею вокруг, а можешь сам натереться, и ни один кровосос близко не подлетит.

– Колдовство? – неуверенно нахмурился Вук, глубокомысленно изучая дно кружки.

– Не, откуда, – отмахнулся принц, уловивший, что плотогоны опасаются неизвестной магии. – У знающего алхимика брал настой. Он из тех травок составлен, что эти паскудники и на дух не переносят. Их, вишь ли, от этих травок корячит, а человеку хоть бы хны. Даже запаха не уловит.

– П-понял, – кивнул Трафа. – Это как от волчьей красавки мой Зубоскал сразу выть начинает, а я нич-чего не чую. Пес же мой, пока ему все травинки из шкуры не вычешешь, так и будет жалобиться.

– Во-во, все от природы, – поддакнул Кэлер, усиленно подметая со стола в рот съестное. Миску от рагу принц выскреб хлебом до блеска и теперь подбирал последние подстывшие колбаски и сыр «Солодка». Элегор присоединился к тяжкому труду Кэлера.

С лоулендской скоростью и аппетитом стол через несколько минут был очищен от всяких следов съестного, не считая колбасных «попок», сырных корок и лужиц пива. Яблоки боги съедали целиком вместе с огрызками.

Осушив в последний раз свою кружку, Трафа довольно крикнул и, слегка покачиваясь, поднялся.

– Прощайте, пусть злые демоны не заметят вас, – напутствовал друзей Вук. – Ежели свидимся когда, посидим хорошенько, я пивка поставлю, расскажете, каково оно в Бартиндаре.

– Непременно, – отозвался Элегор. И, подхватив свои вещи, лоулендцы вслед за плотогоном, покачивающимся так, словно он уже пребывал на любимом плоту, покинули гостеприимные стены кабака.

Вук со своей компанией остался пьянствовать дальше, а вот для парней Трафа уход жожака стал сигналом к окончанию попойки, они кликнули подавальщика для расчета и потянулись за Трафаном на улицу.

От «Приюта плотогонов» до реки добрались быстро. Даже пьяный, Трафа не петлял по городу, а шел так уверенно, словно у него в проспиртованном брюхе находился компас, указывающий дорогу. Гавань с покачивающимися у причалов плотами самых разных габаритов показалась через десяток минут. В отличие от кабака, там было довольно тихо, только изредка перекликались сторожа, непрерывно звенела мошकारа и квакали лягушки. Порт отличался удивительной, какой-то патологической чистотой. Раньше боги считали отсутствие грязи и мусора признаком, отличающим исключительно эльфийские гавани, даже в Лоуленде, несмотря на ежевечернюю и весьма тщательную уборку портовой территории, мусор был просто неискореним, на месте двух убранных куч к следующей ночи образовывалось три. И если бы не магия, очень скоро порт утонул бы в отбросах. Но в Вальморе, видать, нашли какой-то более действенный способ поддержания чистоты.

Трафа повернул направо и привел богов к широченному плоту, связанному из гигантских бревен, пропитанных каким-то диковинным веществом, придававшим им коричневатый блеск и запах душистой травяной свежести. Плот был тяжело нагружен какими-то тюками, обернутыми в промасленную ткань, тщательно перевязанными и равномерно распределенными по поверхности примитивного судна для поддержания наилучшего баланса. На свист Трафа выскочили радостно повизгивающий маленький белый комок шерсти и молодой заспанный парень, остававшийся за сторожа, он перебросил с плота узкие мостки, по которым и перебрались лоулендцы. Вслед за ними на плот перепрыгнули Трафа и три других мужика из его компании. Остальные, насколько успели проследить боги, рассредоточились по соседним плотам размерами поменьше. Песик с дивным именем Зубоскал, рыкнув для проформы на спутников хозяина, принялся подпрыгивать, словно мячик, норовя лизнуть Трафа в нос. Поймав зверя в воздухе, плотогон великодушно позволил ему облизать свое лицо и отпустил, наказав:

– У нас гости, Зубоскал, не кусай их!

Словно поняв хозяина, песик подбежал к лоулендцам и, деловито обнюхав их сапоги и штаны, пару раз вильнул хвостом, демонстрируя некоторое дружелюбие. Кэлер и Элегор потрепали Зубоскала по сваявшейся в плотные колечки шерстке, и песик, завершив процедуру знакомства, тут же вернулся к ногам Трафа.

– Располагайтесь, – гостеприимно предложил Трафа богам, махнув рукой в сторону нескольких старых тюфяков, как попало разбросанных между тюков, и сам рухнул как подко-

шенный на один из них, не обращая никакого внимания на свирепствующих комаров. Богатырский храп возвестил лоулендцам, что плотогон отправился в страну сновидений. Зубоскал доверчиво свернулся клубочком у груди хозяина, и мощная лапа Трафа обхватила крохотного песика, любовно прижав его к себе.

Один за другим утихомирились на тюфяках и остальные плотогоны. Элегор с жадным любопытством огляделся вокруг, небрежно отмахиваясь от мошкары, и поинтересовался:

– А у тебя и правда есть зелье от насекомых?

– Нет, сбrehал, – спокойно признался Кэлер, прихлопнув комара на своей щеке. – Заклятие подходящее есть, а травки на тварей пархатых надежно не действуют, ко всему привыкают и пуще прежнего жрать стараются. А если и разлетятся, то десяток-другой все равно повыносливей других окажется и кровушки попить успеет. Чары другое дело, пока не распустишь плетение или оно от времени не распадется, ни один кровосос и близко не подлетит.

И бог на глазах у Элегора сотворил то самое простенькое бытовое заклятие, употребляемое им главным образом для выведения блох и клопов с трактирных постелей или тюремных нар, на которых принцу тоже доводилось бывать не раз. Иногда, стосковавшись по тюремной романтике, Кэлер нарочно совершал какое-нибудь забавное преступление и оказывался там, куда стремилась его ностальгирующая душа. Бог выходил, а чаще всего сбегал на свободу после пары месяцев заключения несколько похудевшим, катастрофически небритым и весьма довольным.

Едва плетение заклинания развернулось над плотом, негодников-комаров словно ветром сдуло. Их звон теперь неумолчно звучал вдалеке, зато, следуя логике физического закона сохранения энергии, усилился поток ругани и звучных шлепков на соседних плотках, куда перекочевали ненасытные кровососы.

– А теперь давай-ка спать, – бросив под голову мешок и хлопнувшись на свободный тюфяк, предложил Кэлер.

Громкий храп принца легко заглушил рулады Трафа, посапывание и привизгивание Зубоскала, а герцог еще долго сидел у края плота, смотрел на темную ночную воду, слушал ее плеск и лягушачье кваканье. Легкий ветерок перебирал волосы бога, которые он так и не причесал с момента одиночной попойки.

Глава 6

Водная дорога с русалками и концертом

Дорога легче, когда встретится добрый попутчик.
к/ф «Белое солнце пустыни»

Я в реке. Пусть река сама несет меня.
м/ф «Ёжик в тумане»

Утро в Вальморе началось для Элегора и Кэлера с душераздирающих завываний, подобных реву медведя, раненного в тыловую часть неумехой-охотником. Окажись это и правда разгневанный топтыгин, неудачнику с дробовиком не пришлось бы долго ждать кровавого возмездия. Но это приветствовали рассвет мелодичными звуками Трафа и его миляга-песик. Одной рукой прижимая к себе преданного зверька, другой плотогон пытался обхватить раскалывающуюся с похмелья голову и стонал, песик, сочувствуя хозяину от всей своей собачьей души, согласно подвизгивал и норовил лизнуть бедолагу мокрой красной тряпочкой языка.

Понимающе крикнув, Кэлер поднялся с тюфяка и, сунув руку в походную сумку, достал глухо булькнувшую фляжку. Сам отвернул крышку, понимая, что на манипуляции с мелкими предметами Трафа сейчас не способен, и наказал, протягивая баклагу плотогону:

– Испей-ка!

Почти ничего не соображающий мужик вяло обхватил флягу руками и втянул носом воздух. Нюхнув, Трафа чуть приободрился и, ухватившись за емкость, словно за спасательный круг, присосался к горлышку. Интенсивное бульканье возвестило, что процесс лечения идет полным ходом. Оторвавшись от фляги и переведя дыхание, плотогон признательно ухмыльнулся:

– И впрямь полегчало!

– Вот и ладно, – обрадовался Кэлер, принимая изрядно опустевшую баклагу назад.

Любознательный, особенно по части напитков, Элегор тут же заинтересовался ее содержимым. Принц с готовностью протянул флягу спутнику. Крепкий дух самогонки перешибал даже терпкий аромат смородинового листа.

– Подружка одна моя делает. Замечательная штука, особенно поутру, в голове враз светлеет.

– Если живот насквозь не прожжет, от похмелья спасет, – согласился герцог, переводя дыхание.

– Зачем прожжет? – пожал плечами Кэлер. – Она мягко идет, точно водица.

Элегор только подивился выносливости и вкусам принца. Впрочем, антипохмельное зелье герцога тоже отличалось немалой крепостью, но одно дело лечиться такой дрянью, а другое – употреблять ее для собственного удовольствия. Нет, напиваться Элегор предпочитал хорошим вином, и голова от дорогих напитков поутру болела не столь сильно.

Теперь-то, кстати, герцогу стало ясно, почему Трафа предпочитал спать на плоту. С такого похмелья поутру от трактира до пристани дошкандыбать было бы затруднительно. Но дивный напиток Кэлера и впрямь оказал на плотогона целительное действие. Он обрел силы, достаточные для того, чтобы выпустить из своих объятий Зубоскала, встать, добрести до края плота и, свесившись с него, по пояс окунуться в воду. Вынырнув, плотогон от души потянулся, хрустнув косточками, и по-собачьи встряхнулся. Благодарно глядя на принца, Трафа отжал свои дреды, рубаху, и сказал:

– Благодарю. Я же обычно рядом с собой жбанчик пивка ставлю, чтобы поутру не страдать, а тут запомятовал.

– Бывает, – не стал спорить бог и тоже подошел к воде, чтобы умыться.

Нацепив любимый жилет в ленточках, Трафа перевязал волосы расшитой бисером пестрой косынкой и зычно завопил:

– А ну подымайтесь, лодыри! Зарю проспите! Подъем! Отплываем!

Давно привыкшие к похмельным концертам и не реагирующие ни на какие внешние раздражители, кроме прямого приказа, плотогоны заворочались на тюфяках, начали подниматься и команды на других плотках Трафа. Теперь, светлым утром, лоулендцы заметили на шестах посередине плотов плескавшиеся на легком ветерке флажки с изображениями ракушек и монеток, видимо, служившие среди плотогонов опознавательными знаками вроде герба.

Парнишка, который вчера сбросил гостям сходни, сновал по плоту, обнося команду завтраком. Элегору и Кэлору тоже досталось по изрядной краюхе хлеба, куску острого сыра и ломтю холодного мяса. Запивали все это пивом. Еда была ничуть не хуже, чем в «Приюте плотогонов», а может, и куплена там же. Мужчины быстро расправлялись со своими порциями и приступали к работе, прежде отлучившись в укромное местечко, оборудованное среди тюков. Местоположение гальюна Кэлер выяснил еще ночью у стоящего на вахте плотогона. Мужик, довольный неожиданной компанией, гордо рассказал об особенностях конструкции заведения, состоящего из огромного котла с относительно узким горлом, в котором ползала парочка смердючек. Столь неблагозвучное название получили странные животные, похожие на толстых змеек, с неизменным аппетитом поглощавшие любые отходы человеческой деятельности.

Плотогоны готовили плот к отплытию. Элегор, впечатленный свиданием с туалетом, удивленно заметил Трафа, цепко следившего за процессом и пресекавшего любые попытки сачкануть:

– Чисто-то как у вас и на плоту и вообще.

– А то! – не без гордости согласился мужик. – Как же иначе? Русалки, они в дерьме и грязи жить не любят, ну да кому ж это по нраву? Враз на другое место уплывут. И куда мы тогда без них? На мель сядем.

Элегор мог только восхищаться тем, как симбиотические взаимоотношения повлияли на людей, которые частенько оказывались одной из самых грязелюбивых рас (если не считать гигантских навозных червяков в каком-то захоластном измерении – ради дерьма они разводили драконов). Сам бог, в котором текла изрядная доля эльфийской крови, а прочих кровей оказалось намешано столько, что не перечесть, унаследовав от человеческой линии предков бесшабашный нрав и страсть к приключениям, неряхой не был. Во всяком случае, в трезвом состоянии организма. И человеческая способность с фантастической скоростью заваливать дерьмом все, что только можно, выводила его из себя. Это раздражало Элегора настолько, что несколько ныне полупустынных миров были обязаны своей малой заселенностью герцогу Лиенскому. Потопы, землетрясения, ураганы и прочие стихийные бедствия молодой бог насылал потому, что предпочитал созерцание природного хаоса безобразному творению человеческих рук.

А вот Вальмора Элегору понравилась. Здесь умели не только варить сносное пиво, но соблюдали некоторые нормы приличия по отношению к миру и его обитателям. Похвально, что, пусть и руководствуясь коммерческими соображениями, а люди все же не считали себя центром Вселенных.

Смотав в бухты просмоленные канаты, удерживавшие плот у пирса, плотогоны вложили весла в уключины и взялись за шесты. Дружно ухнув, отошли от пристани и, искусно лавируя среди массы других плотов, вывели судно из Вальморской гавани на речной простор.

По водной глади бежала мелкая рябь. Солнечные лучики и голубое небо, смотревшееся в воду, дробились на мозаичные кусочки. Плескались мелкие рыбешки, уверенные в том, что плотогонам пока не до рыбалки.

Кэлер и Элегор, опустив ноги в прохладную воду, сидели у края плота и любовались идиллической картиной. На отрешенное созерцание красот природы был способен даже герцог Лиенский, правда, надолго состояние умиротворения, чуждое буйной натуре бога, его душу не посещало. Свежий ветерок хулигански трепал длинные волосы мужчин, и без того не позаботившихся о прическах.

Покой покинул Элегора, когда справа от плота раздался сильный всплеск, потом еще один, а затем кто-то пощекотал пятку герцога столь умело, что мужчина дернулся от неожиданности. За бревна плота ухватились тонкие изящные ручки, унизанные браслетами из мелкого речного жемчуга и бисера. Кожа слегка отливала зеленью. Следом за ручками на поверхности воды показалась очаровательная головка, и боги сразу поняли, у кого переняли плотогоны манеру цеплять на голову ракушки и монетки, вплетать в шевелюру бисер, мелкий жемчуг и водоросли. Черные волосы прелестной русалочки почти скрывались в причудливом декоре. Яркие зеленые глаза визитерши оглядели надводный мир с проказливым интересом, какой бывает только в детстве и сохраняется у беспечных, вечно молодых душой созданий. Нежный коралловый ротик расплылся в задорной улыбке, на щеках заиграли ямочки.

– Привет, Трафа! – помахала русалочка ручкой знакомому плотогону и обратилась к лоулендцам: – Привет, я вас раньше не видела на Куррасу. Новенькие? Меня зовут Синеритас. А вас?

– Кэлер, Гор – представились боги, разглядывая прелестную амфибию.

– Ясный день, Сина, – поздоровался Трафа, опустил на корточки и смачно чмокнул русалку в подставленную щеку. – Я парней этих в попутчики взял.

– Жалко, – капризно надула губки Сина и, бросив на мужчин кокетливый взгляд из-под длинных ресниц, непосредственно заявила: – Они красивые, мне понравились.

– Не жалею, дорогуша, – хлопнув себя по колену, гулко рассмеялся Трафа, знакомый с русалочьей влюбчивостью не понаслышке. – Они тебе петь обещались.

– Вот как? – оживилась Сина, прижав руку к своей пышной груди, прикрытой лишь парочкой ракушек на самых кончиках сосков.

– Точно так, речная леди, – вежливо кивнул Кэлер и запечатлел на влажной ладошке разомлевшей русалки вежливый поцелуй.

– Ладно, – примиряясь с тем, что приглянувшиеся красавчики не собираются пополнить ряды плотогонов, заявила девушка. – Пойте. Только я остальных позову!

Сина взмахнула хвостом и ушла на глубину, скрывшись из вида. Вернулась русалочка быстро и, как обещала, не одна. Целая стайка подружек-русалок и мускулистых приятелей-тритонов выплыла на поверхность Куррасу. Амфибии скользили по водной глади, с шутками и смехом приветствуя людей, те отвечали не менее дружелюбным поддразниванием, здоровались со старыми добрыми знакомыми. Русалочек мужчины чмокали в щеки, тритонам пожимали ласты, женщины-плотогоны целовали хвостатых кавалеров.

Кажется, русалки ничего не делали ни с водой, ни с плотами, но одно их появление значительно увеличило скорость передвижения «эскадры». Людей подобный поворот дела несколько не беспокоил, видимо, это было для них привычно. Русалки и тритоны шныряли вокруг, брызгались водой или просто забирались на плоты и оставались сидеть на них, опустив в воду чешуйчатые хвосты. Отложив весла и шесты, плотогоны занялись своими делами, несколько не беспокоясь о возможности катастрофы. В деле навигации люди полностью доверяли своим хвостатым компаньонам.

– Что вы нам споете? – нетерпеливо спросила Сина, взбираясь на край плота, где сидели лоулендцы, и отводя завитки мокрых волос с высокого лобика.

– Да, что? – подхватили ее вопрос русалочки, выделяющие пируэты в воде вокруг главного плота.

– То, что прекрасным речным леди будет угодно, – куртуазно отозвался Кэлер и расчехлил гитару.

Странно было видеть, с какой нежностью держали руки принца инструмент, и почти невозможно было поверить, что порхающие по грифу пальцы принадлежат мужчине, силушки которого достанет на то, чтобы играючи снести замковые ворота в Лоуленде. Кэлер взял на пробу несколько звучных аккордов. Звук совершенного инструмента бога, сотворенного безымянным, но гениальным мастером, полетел над водой.

– Про любовь, – потребовала русалка по праву первой, обнаружившей певцов. – Про красивую любовь, можно?

– Про любовь, про любовь, – принялись скандировать ее товарки.

– Конечно. – Кэлер кивнул, немного подумал и, хитро подмигнув герцогу, велел: – Подхватывай, парень.

Из-под гибких пальцев бога полилась удивительная и подозрительно знакомая, пусть и одобренная вариациями, мелодия. Герцог широко распахнул глаза.

Странно! Кэлер играл романтическую балладу, довольно давно сочиненную Элегором под впечатлением от незабываемой прогулки на яхте принца Мелиора.

Юный и в ту пору не менее нахальный, чем ныне, герцог Лиенский увязался на прогулку в Океан Миров вслед за принцессой Элией. И не пожалел об этом! Банальный круиз обернулся первым знакомством с игривыми русалками, нападением пиратов и экзотической экскурсией в пустыню, куда Элегора, Элию, Мелиора и пиратского вожака забросил случайно активированный амулет, найденный его высочеством в брюхе акулы. Да, прогулка оказалась что надо, и хотя противный зануда Мелиор до сих пор шипел, что все неприятности произошли оттого, что в круиз взяли Лиенского, Элегор вовсе не считал все эти увлекательные приключения неприятностями. К тому же справедливости ради стоит заметить, что из путешествия лоулендцы привезли не только неприятности: мало того что боги разбудили Источник Сил в вычищенном мире, так еще и пиратский вожак оказался сыном Лимбера и вошел в королевскую семью. А что за время блужданий по пустыне у Элии едва не пробудились инстинкты Пожирательницы Душ, так на этой мелочи не стоило заострять внимания. Ведь все равно все кончилось благополучно! Жаль только, мнения Элегора по этому вопросу никто не спрашивал.

Ярких впечатлений у юного герцога оказался целый океан, а из воспоминаний об игривых русалках с отмерей родилась печальная романтическая баллада о любви русалочьей принцессы и короля пиратов. Именно ее сейчас играл Кэлер, и, судя по проказливым искрам в глазах принца, тот знал, чью балладу играет. Но издевки в предложении присоединиться к исполнителю Элегор не ощутил, принц играл с настоящим чувством. Поборов некоторую неуверенность, герцог присоединил свой голос к глубокому бархатному баритону бога бардов. Голос Кэлера придавал банальной истории новую глубину и чувственность. Элегор даже не надеялся сравняться с принцем в мастерстве, но просто петь с ним на два голоса было уже честью, как и то, что Кэлер избрал для исполнения балладу герцога. Два божественно прекрасных голоса переплелись с гитарным перебором, очаровывая слушателей магией песни, уводя их в страну сказаний.

Русалки, словно загипнотизированные, все ближе и ближе подплывали к плоту лоулендцев и, открыв в восхищении ротки, замирали, слушая дивную историю. Плотогоны, побросав свои дела, тоже внимали бардам.

Когда смолкли последние звуки, еще некоторое время царило молчание, прерванное восторженным вздохом Сины. Расчувствовавшаяся русалочка утерла слезы ладошкой и взмолилась:

– Пожалуйста, спойте еще! Никогда не слышала ничего прекрасней!

– Пойте! Пойте! Пожалуйста! – с одинаковой горячностью принялись просить и плотогоны и амфибии.

– Чувствительно-то как, вот она какая любовь бывает, – зашмыгал носом Трафа, поглаживая млеющего Зубоскала. – Жарьте еще, парни!

И боги стали «жарить». Отыграв несколько известных во всем Лоуленде и популярных в королевской семье благодаря Кэлберту забористых песен морской тематики, вызвавших громкий смех у публики, Кэлер неожиданно для Элегора сдернул ремешок гитары с плеча и протянул инструмент напарнику со словами:

– Давай-ка теперь ты, парень. Сыграй что-нибудь свое, дай моим пальцам роздыху.

Не поверив ни на секунду в то, что бога бардов могло утомить столь краткое выступление, Элегор, давно мечтавший хоть поддержать в руках гитару принца, с благоговением принял драгоценный инструмент. Если Кэлер доверяет ему, значит, надо играть. Герцог поискал в памяти что-нибудь подходящее, веселое о русалках и морях, но, как назло, в голове стало звонко и пусто, там витала лишь одна-единственная печально-пронзительная мелодия. Правда, строчки о воде в ней все-таки были, и Элегор заиграл, не надеясь, впрочем, на признание публики, заиграл только для того, чтобы прервать затянувшуюся паузу. Гитара Кэлера задрожала под его пальцами, рождая песню странствий бога, и души смертных затрепетали, сами не понимая, что творит с ними странная музыка бога-странника:

На заре мирозданья веленьем Творца
Наречен был Свободою путь гордеца.
С той поры нашим душам неведом покой,
Нас созвездье дороги ведет за собой.

Тихо шепчет прибой,
Манит в призрачный край.
Мне не нужен покой
И не нужен мне рай.
Я иду за Судьбой,
За упавшей звездой.

Наполняя Удачей свои паруса,
Мы останемся верными ей до конца.
Счастье – в ветре соленом, в смятении волн,
По которым несется бродячий наш челн.

Тихо шепчет прибой,
Манит в призрачный край.
Мне не нужен покой
И не нужен мне рай.
Я иду за Судьбой,
За упавшей звездой.

Миг за мигом летят, оставляя лишь тень,
Чья-то страсть, чья-то боль, чей-то год, чей-то день.
Вьются мысли, поступки, желанья и сны,
Для кого-то серьезны, кому-то смешны.

Тихо шепчет прибой,
Манит в призрачный край.
Мне не нужен покой

И не нужен мне рай.
Я иду за Судьбой,
За упавшей звездой.

Но порой по свинцу вечеряющих вод
Отголосок тоски в сердце к нам заглянет,
Наши буйные души осветит луна,
Та, что вечно свободна, но вечно одна.

Тихо шепчет прибой,
Манит в призрачный край.
Мне не нужен покой
И не нужен мне рай.
Я иду за Судьбой,
За упавшей звездой⁹.

Когда последний звук песни Элегора затих, никто не сказал ни слова, только русалка Сина стерла дорожки слез со щек и попросила бога:

– Спой еще!

Кэлер одобрительно кивнул, и это показалось герцогу лучшей наградой. Лоулендцы пели и пели, а русалки и плотогоны требовали новых и новых песен. Когда настало время обеда, боги наскоро перекусили и, промочив горло, снова занялись музицированием, честно отрабатывая проезд. Элегор невольно порадовался тому, что частенько развлекался, изображая из себя бродячего барда, не будь у него опыта такого рода, герцог уже давно осип бы окончательно. Так боги тешили публику почти до самого вечера, пока Трафа, сохранивший остатки благоразумия, не стал утихомиривать разохотившихся русалок:

– Полно тебе, Сина, дай парням передохнуть чуток. Им и сходить уже скоро.

– Скоро? – удивилась Сина. – Где же?

– В Баргиндаре, – хмыкнул Трафа. – Гор, вишь ли, на двадцать русалок поспорил, что переночует в поместье, а Кэлер брательника младшего одного не пускает.

Сина неожиданно остро и без налета легкомысленной веселости глянула на лоулендцев, и мужчинам показалось, что смазливая зеленоглазая русалочка, такая глупенькая и чувствительная с виду, не поверила ни единому слову Трафа, но спорить или тем более расспрашивать богов не стала.

Трафа правильно рассчитал время, не прошло и получаса, как вдалеке показалась небольшая заводь. Берега Куррасу обильно поросли ветлами, темной осокой и тростником, но изредка виднелись свободные от растительности участки с мягким нежно-золотистым песком. Вероятно, когда за берегом следили тщательнее, их было значительно больше, и диковые нынче места считались прекрасным местом для прогулок. У заводи несколько больших плит светлого известняка образовывали площадку, к которой спускались выщербленные ступеньки длинной лестницы, не лишенной изысканности. Через каждые несколько ступеней перила лестницы подпирали симпатичные статуэтки русалок и тритонов.

⁹ Перевод с лоулендского Ирины Елисеевой.

Глава 7

Проклятие Бартиндара

Мое дело подарок подарить, а ты уж думай, что с этой хренью делать.

Мультсериал «Масяня»

– Как мне попасть в дом? – повторила Алиса громче.

– А стоит ли туда попадать? – сказал Лягушонок. – Вот в чем вопрос.

Л. Кэрролл. Алиса в Стране чудес

В мире много случайностей, но, помимо этого, есть еще и предопределенность

С. Лукьяненко. Ночной Дозор

– Вот, – махнул рукой плотогон, – вы и на месте. Подниметесь вверх, а там уже сад и до самого поместья Бартиндар недалече. А то, – Трафа замылся, – может, ну его, ваше пари. Оставайтесь! Я таких певцов вовек больше не сыщу! Никогда мы так быстро по Куррасу не шли.

– Рады бы, но никак, – пожал плечами Кэлер, пряча гитару в футляр и собирая пожитки в мешок. – Спасибо за помощь, за компанию, а только пришла пора расставаться.

– Подождите, – словно на что-то решившись, попросила Сина, которая прислушивалась к разговору мужчин. – Я сейчас!

Красавица соскользнула в воду, обдав людей фонтаном холодных брызг, с силой махнула серебристым чешуйчатым хвостом и исчезла в глубине реки. Появилась русалочка, когда плоты, опять-таки без всякой видимой причины, аккуратно замедлили свое движение, и плот Трафа уже причаливал к маленькой забытой пристани. Плотогон, явственно чувствуя неловкость, переминаясь с ноги на ногу и безжалостно теребя ленточки жилета, как раз говорил лоулендцам:

– Назад мы пойдем деньков через пять, если возвращаться надумаете с нами, выходите сюда же к берегу, я парнишку на вахте поставлю, не упустим.

Малютка Зубоскал, прижавшись к ногам хозяина, мелко подрагивал и смотрел на богов печальным влажным взглядом карих глаз, будто пророчил авантюристам, рискнувшим сунуться в гиблое место, скорую и жуткую смерть. Казалось, еще чуть-чуть, и песик завоет в голос, ему явно было очень неуютно рядом с Бартиндаром. Ежился не только песик, взрослые мужики старательно избегали глядеть на берег.

– Возьмите! – раздался звонкий голосок, и из реки показалась хорошенькая головка Сины. Униженная браслетами ручка русалочки решительно протянула лоулендцам крупную, с ноготь большого пальца Кэлера, отливающую розовым перламутром жемчужину. – Я получила разрешение на подарок от найд Куррасу, им тоже пришлось по нраву песни! Это Жемчужина Желания. Пусть она будет наградой за вашу удивительную музыку! Спасибо! Жаль, что вы не остаетесь с Трафа, ясных дней и чистой воды вам, путники!

Элегор взял у русалки жемчужину и, поблагодарив речную красавицу за дар, сунул ее в карман, не задумываясь ни о ценности, ни о предназначении презента. Мужчины по традиции плотогонов поцеловали опечаленную Сину в мокрую щечку, а Трафа от всего сердца так облапил богов на прощанье, что заскрипели кости. Плотогоны и русалки засыпали музыкантов пожеланиями удачи и счастливого пути. Если бы совокупный вес пожеланий мог влиять

на череду происходящих событий, то впереди богов ожидало бы лишь бесконечное, ничем не омраченное счастье.

Лоулендцы легко перемахнули на берег, мягко приземлились на растрескавшиеся плиты песчаника, и, помахав на прощанье вновь понесшимся по реке плотам и галдящим русалкам, направились к лестнице, круто забирающей вверх.

Небольшие ступени и перила были сделаны так, что подъем не вызывал затруднений, шагающий невольно попадал в ритм неторопливого прогулочного шага. Идти было легко, но в воздухе витало нечто странное, насторожившее богов еще до того, как они сошли на берег Бартиндара. Трафа и Вук не солгали: ни шебаршения зверюшек, ни птичьего щебета мужчины не услышали, только шелест травы да все отдаляющийся плеск реки. Даже вездесущих назойливых насекомых и тех было куда меньше обычного, словно то, что отпугивало крупных животных, пусть слабее, но действовало и на них. Кроме непривычной пустоты присутствовало и еще нечто: отчетливое ощущение чьего-то тяжелого взгляда, буквально пригибающего к земле и явственно дающего путникам понять, что они вторглись на запретную территорию. Человек со слабыми нервами давно бы уже дал деру, сам не понимая, почему пустился в бегство, и придумал бы в свое оправдание всяческих ужасов – в меру развития фантазии.

– Ты чувствуешь? – уточнил у принца Элегор, передернув плечами, словно сбрасывал с них невидимую тяжесть.

– А то как же, – спокойно согласился Кэлэр. – Давит.

– Что это? Чары какие? – заинтересовался Элегор, довольный тем, что его ощущения – не следствие разыгравшейся паранойи. Правда, если уж говорить начистоту, по части паранойи члены королевской семейки могли бы переплюнуть любого профессионального параноика.

– Не похоже, – почесал в затылке Кэлэр, оглядываясь и прислушиваясь к себе, – пошли вперед, там разберемся.

Окончив подъем по лестнице, лоулендцы оказались среди запущенного сада, кустарники переплелись так, словно на них накладывали заклятие зарости-дорога, а стволы старых плодовых деревьев обступали высокие травы. Захватив этот плацдарм, растения начали активно покушаться на выложенную плитками дорожку, цепляясь за трещинки в камне и неумолимо дробя его. Из-за маскировки стелющегося плюща дорожку едва не просмотрели даже зоркие боги. Решив, что она рано или поздно выведет их к дому, мужчины проследовали вперед, оглядывая заросший сад, в котором до сих пор плодоносили яблони. Яркие зеленые, красные, пестрые, полосатые плоды гнули книзу ветки своим аппетитным грузом. Часть яблок уже осыпалась, но не собранная никем, так и лежала, потихоньку прея на зеленом ковре. Терпкий сладкий дух переспелых плодов бил в ноздри.

– А что, герцог, – в шутку заметил Кэлэр, сорвав с ветки приглянувшееся наливное яблоко и мимоходом продолжая собирать особенно красивые плоды и кидать их в сумку про запас. – Может, и не стоит тебе продавать Бартиндар, оставайся да гони сидр. Не пропадать же такому урожаю!

– Когда сидр будет стоить дороже виноградного вина, я так и поступлю, – выдирая сапоги из ловушки плюща, согласился Элегор и в свою очередь выбрал яблочко в мелкую желто-зеленую полоску.

Лакомясь спелыми бартиндарскими яблоками и избегая уголков, заросших какой-то клейкой ползучей дрянью и гигантскими фиолетовыми репьями, так и норотившими украсить рукава и штанины подобием экстравагантных помпонов, боги в скором времени вышли к постройкам. Пройгнорировав стоявший среди деревьев маленький домик, судя по одичавшим клумбам, некогда служивший убежищем садовника, и скопление строений, состоящее из кузни, конюшни и прачечной, соединенных крытыми переходами, Элегор сразу устремился к центральному зданию. Оно было самым большим, презентабельным и наиболее подходило для хозяйской резиденции. Двухэтажный особняк, сложенный из чуть зеленоватого пористого

камня, декорированный осколками пестрых ракушек, посверкивал в лучах заходящего солнца. Светило еще вовсю играло на флюгерах-птицах двух почти игрушечных башенок.

Особняк при ближайшем рассмотрении оказался совершенно заброшенным. На открытой веранде нетронутыми лежали слой прошлогодних плетей плюща и нанесенная ветром из сада листва, она же вместо ковра устилала парадное крыльцо. Окна особняка были закрыты большими ставнями, на центральной двери висел здоровенный замок.

Расшвыривая ногами слежавшуюся листву, Элегор взбежал по ступенькам, полез в карман и достал связку универсальных ключей от всех замков:

– Начнем с дома?

– Открывай, – согласился Кэлер.

Ключи и впрямь оказались магическими и универсальными. Во всяком случае, изрядно заржавевший замок открылся с легким скрипом – без напряженного пыхтения и рывков. Небрежно подвесив его за дужку на одну из петель, Элегор рывком распахнул высокую дверь и устремился в холл. Как и снаружи, внутри было пусто, безлюдно, пыльно. Стоял тот затхлый, с привкусом плесени, сыроватый запах, какой всегда присущ брошенным домам. Кэлер прищелкнул пальцами и, опережая герцога, запалил крупный магический шарик, разогнал темноту и громогласно чихнул, распугивая по углам тени.

Когда-то в особняке с огромными окнами, сейчас занавешенными изнутри тяжелыми портьерами, скрывающими легкие цветастые воланы штор, наверняка было уютно. Теперь же здесь вместо света, смеха, звука голосов, музыки и запаха стряпни поселились шорохи и пустота, а светлая мебель спряталась под серые безликие чехлы, и невольно хотелось обернуться, чтобы проверить, а не стоит ли у тебя за спиной кто-нибудь в черной хламиде, не тянет ли костлявые руки к горлу.

Да, когда-то это был приятный дом, Элегор прошелся по холлу, мановением руки сбросил чехлы с резной мебели и картин (радующих глаз пейзажей, улыбающихся лиц на портретах), с коллекций сияющего хрусталя, с резных статуэток-вешалок в виде играющих в салки проказливых девчонок. Светлый узорчатый паркет, приветствуя долгожданных хозяев, тихо поскрипывал под ногами, словно жаловался на долгое отсутствие людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.